

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

8

А П Р Е Л Ь

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

А.с. 1253/2

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРЕДОВАЯ.—Против идеологии упадочничества	3
Г. РАДЫГИН.—Снижение цен и рационализация	8
В. ВОРОБЬЕВ.—Рационализация производства и социалистическая организация юношеского труда	23
ВАЛЕРЬЯН ПОЛЯНСКИЙ. Об упадочничестве в литературе	29
И. РУБАНОВСКИЙ.—О пороке и энтузиазме	39

Д и с к у с с и о н н ы й о т д е л

МИХ. ЕВДОКИМОВ.—Заметки о комсомольских помпидурах	56
--	----

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я

АРК. ВЯТИЧ. — Штейн, И. и Потапов, П. «Всесоюзная перекличка»	67
Н. НИКОЛАЕВ.—«Чубаровщина»	69
В. БУНИН.—«Спутник комсомольского эконом-работника»	70
Ф. ГЛАУБАУФ.—Философия банкротов	71

1823
 1823
 1823

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

АПРЕЛЬ

№ 8

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Ac. p. 12532

Тип. «ЭМЕС», Москва,
Покровка, 9. Тел. 2-72-14
Главлит № 87350
Тираж 5500

Против идеологии упадочничества

«О живых говори только плохое!» — эта пошлая, мещанская заповедь, оказывается, не угасла и поныне. Иные в нашей такой, на первый взгляд, «серой и скучной» действительности в полном согласии с известным гоголевским персонажем видят кругом одни только рожи, рожи да рожи.

На последнем «парад-алле» в Комакадемии оппозиция, поднимая тяжелые гири красноречия и слез, выступила с предостережениями и пророчествами по поводу упадочничества, есенинщины, мещанства и прочих таких чудовищ.

Упадочничество — факт. Есенинщина — факт. Оспаривать этого никто не собирается. Никто иной, как тов. Бухарин в своих блестящих «Злых заметках» призывал нас открыть боевой огонь по есенинщине, а, значит, и по упадочничеству.

Схематически упадочничество можно представить, примерно, в следующем виде:

В городе — безработные, экономически наименее обеспеченные слои рабочей молодежи чувствуют некоторое неудовлетворение, разочарование. Под эти настроения подводится известный «теоретический» и «политический» фундамент. Несамостоятельность комсомола, слишком большая зависимость от хозяйственных учреждений, забвение политических целей и перспектив, — словом, все то, что указывалось в знаменитой статье Наумова «Куда идет комсомол», — психология, известная у нас под названием «за что боролись?» Нечего и говорить, что эти настроения имеют место среди отсталых слоев рабочего молодняка, место самое незначительное и — что особенно важно — неустойчивое.

В деревне, где продолжается процесс аграрного перенаселения, имеется налицо известное недовольство городом, завистливое к нему отношение. За последний год волна этих вредных настроений заметно пошла на убыль.

В вузах — на почве материальной необеспеченности и особенно на почве наповского, буржуазного и мелкобуржуазного влияния и окружения, в прошлом году имели место случаи самоубийств. Сейчас они почти совершенно отсутствуют.

Широкие размеры принимает антисемитизм не только, впрочем, среди рабочей молодежи, но и среди рабочего класса и крестьян.

яинства вообще. Такое развитие антисемитизма станет понятным, если вспомнить, что, *во-первых*, подобного рода юдофобская психология вбивалась в головы трудящихся в продолжение сотен лет, что, *во-вторых*, новая буржуазия не спит и ведет определенную антисоветскую работу, что, *в-третьих*, политическая темнота, некультурность и невежество трудящихся масс слишком еще сильны и упруги.

Имеются еще налицо элементы пьянства, хулиганства, чубаровщины, хотя и становящиеся все более и более редким явлением.

Итак, упадочничество и есенинщина — факты, оспаривать которых никто не собирается. Мало, однако, *фотографировать* факты, надо уметь разбираться в их социальной анатомии, надо указать на *социальные корни*, на пути борьбы с ними.

Тут прежде всего встает вопрос *о борьбе за молодежь*. Как мы сказали выше, новая буржуазия не спит. Лишенная возможности выступать прямо, она идет на борьбу с нами под религиозными, «божественными», культурными и прочими вуалями. Рост сектантского и религиозного движения, а на востоке — националистических и антикоммунистических организаций молодежи — говорит о том, что буржуазия продолжает свою борьбу за молодежь. Эта борьба означает разложение, отравление ядом своей идеологии наименее закаленных и поддающихся влиянию слоев молодежи.

Во-вторых, здесь нельзя не сослаться на подчас неумелое влияние на молодежь, борьбу за нее — с нашей стороны, на неумение подходить к ней, как к живой человеческой массе, а не «статистической средней на двух ногах».

«Чем захватывает молодежь Есенин? — писал в своих «Злых заметках» тов. Бухарин. — Почему среди нашей молодежи есть кружки «есенинских вдов»? Почему у комсомольца частенько под «Спутником коммуниста» лежит книжечка стихов Есенина? Потому, что мы и наши идеологи не трогали тех струн молодежи, которые тронул, хотя в форме вредоносной по существу, Сергей Есенин.

Здесь напрашивается сам собой большой вывод: нельзя нашу молодежь кормить в лошадиных дозах одним и тем же. Больше разнообразных вопросов. Больше внимания к живым людям с особой психологией, больше внимания к жизни со всей ее многоцветностью, многогранностью, причудливой сложностью. Поменьше не совсем доброкачественного, штампованного материала, — этого плода бюрократического идейного творчества!»

Оживление работы союза, конкретизация ее, приспособление к реальным повседневным нуждам рабочей и крестьянской молодежи, ведь, началось сравнительно недавно. Что значит эта оживленческая работа, если перевести ее на язык политики, на язык социализма?

Это значит—научить молодежь все более и более связывать, подчинять *свои* личные, групповые задачи и интересы задачам и интересам *всего* класса, *всего* общества, революции. Сейчас, когда в строительной рационализаторской работе налицо ряд *общих трудностей*, пищу для упадочных настроений при желании можно найти изволь. Такие охотники имеются. Это требует особенно зоркого внимания со стороны партии и союза.

Оппозиция, как известно, любит все теоретизировать, при чем теоретизировать «по-своему», «оригинально». Опасная оппозиция! Не успеете вы буквально отвернуться, как она выгаскивает *новую* теорию, *новую* декларацию, *новые* аргументы. Вокруг упадочных настроений также было начато такое теоретическое построение, которое, однако, вследствие своей неустойчивости не замедлило рухнуть.

Один из виднейших представителей оппозиции высказывался об упадочничестве так:

«Мы имеем... явную диспропорцию, явные «ножницы» между тем огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав или, вернее, социализировав нашу промышленность, с одной стороны, и тем *запасом людей*, которые могли бы быть, в полном смысле слова, социалистическими строителями и в смысле государственного управления и в смысле руководства хозяйством... Мы имеем здесь *явный кризис*».

О чем говорит эта выдержка? Она говорит не только о полном неверии в наши *технические, экономические* и *культурные* возможности и силы, но и в нашу *политическую* мощь. Ибо, что значит отсутствие «запаса людей с надлежащей психологией»? Это значит—неверие в то, что современная рабочая молодежь чужда личных и индивидуальных принципов, что она, заражена интересами социалистического строительства, втянута в него. Оппозиция не верит в наличие новых молодых кадров социалистических строителей.

Говоря о кризисе социалистической культуры,—ибо отсутствие надлежащей материальной, технической базы, плюс отсутствие надлежащей человеческой, биологической базы,—это есть кризис социалистической культуры, о котором недвусмысленно говорит хотя бы тов. Преображенский,—оппозиция расписывается в полное неверие в силы рабочего класса.

Не даром тов. Преображенский открыто связывал вопрос об упадочничестве с якобы наступившей пассивностью и даже разочарованием в рабочем классе вообще.

Знакомые песни! Еще так недавно мы слышали эти псалмопения о «цеховых настроениях», о падении политической активности рабочего класса, классового самосознания. Старо это и слабо!

А перевыборы советов, всколыхнувшие рабочий класс на высоту его пооктябрьской активности, а китайские события, воспла-

менившие энтузиазмом чувства международной революционной солидарности у миллионов сердец трудящихся? А творческая индустриализаторская работа на фабриках и заводах?

Это—цеховые настроения? Это—пассивность? Это—разочарование?

«Борьба» оппозиции с упадочничеством превращается в свою собственную противоположность — она есть именно то самое упадочничество, по которому партия призвана дать соответствующий залп.

До тех пор, пока оппозиция не сумеет и не захочет видеть кроме наших трудностей, недостатков, темных сторон, кроме одних только «рож» ту колоссальную, грандиозную, гигантскую строительную работу, которая разрастается на наших фабриках и заводах, в деревне и кооперации, работу, творящуюся миллионами и миллионами крепких мозолистых рук,—до тех пор оппозиция объективно будет играть консервативную, если не реакционную роль в борьбе с упадочничеством. Ибо, что означают ее громкие, истерические вопли о «кризисе» социалистического хозяйства, «кризисе» социалистической культуры, о «кризисе» человеческого материала, как не явный пессимизм, не явную панику и растерянность перед трудностями роста?

Ибо как понять, что оппозиция берет под свою лупу только малое, только негодное, а не великое, громадное, что творится руками рабочего класса?

Свои острые смертоносные стрелы оппозиция особенно упрямо обращает против комсомола. Судя по ее словам, в комсомоле царит атмосфера «погребов с прокисшей капустой», атмосфера беспредельной, безнадежной казенщины, мертвечины.

Болезни и недостатки у нас есть. Мы их не скрываем. Наоборот, мы охотно встречаем и встретим дружественную, деловую, товарищескую критику. Но так ли уж тяжело, милые друзья, мы больны, как вы хотите это представить? Ведь, в *общем* мы все же растем, развиваемся.

Почему оппозиция не замечает роста полит. активности молодежи, повышения ее роли в производственном и строительном процессе?

Почему она не замечает новых живых форм работы комсомола?

Критика оппозиции—не наша критика. Она лишена и тени товарищеского участия, деловой поддержки, помощи.

Вот почему в своей критике оппозиция ограничивается одними стонами и воплями.

Не безнадежное, кисейное, интеллигентское оханье и аханье нужно нам, а трезвый учет обстановки, решительная борьба со всем враждебным и упадочным.

В своей знаменитой полемике с экономистами Ленин писал:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседние болота, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: «Пойдемте в это болото!» А когда их начинают стыдить, они возражают: «Какие вы отсталые люди. И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу». О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти, куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать положительное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы, ведь, тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» (Ленин, т. I, стр. 123).

Да, мы не позволим себя тащить в болото упадочничества!

Вооруженный учением Ленина, глубоко проникнутый верой в победу социализма, активно подготовляющий эту победу, комсомол возвращает тысячные кадры новых, свежих, идейно крепких борцов—ленинцев.

Эти новые кадры социалистических строителей, вопреки мнению оппозиции, растут.

И уже одно это — залог правильной тактики партии и комсомола.

Залог успешной борьбы с упадочничеством и его идеологами.

Г. РАДЫГИН

Снижение цен и рационализация

I. Цены в капиталистическом и советском хозяйстве

Капиталистическое хозяйство, высокоорганизованное в узких пределах одного предприятия или треста, анархично во всей своей совокупности. Вся мощная система современных капиталистических синдикатов и концернов не в состоянии обуздать рыночной стихии, и конъюнктура рынка попрежнему является единственным руководящим и регулирующим началом капиталистического хозяйства.

Капитал не заботится об удовлетворении потребностей общества. Общественные потребности—только повод для выколачивания прибылей; удовлетворение этих потребностей—только досадная необходимость, без которой не обойдешься.

Высокая прибыль, солидный дивиденд—вот идеал буржуазии и цель капиталистического правительства. Для достижения этой благородной цели рыцари наживы ведут отважную и непрерывную войну: трест против треста—внутри страны; враждующие между собой, но сплетенные системой банков в один клубок национального империализма национальные капиталы вступают в отчаянную схватку за ограбление человечества на мировой арене; трогательно сотрудничают, когда грозит всем общая опасность, и со зверским аппетитом пожирают лапу зазевавшегося или ослабевшего партнера по мародерству.¹

Наиболее храбрых и пылких рыцарей средневековья обладавшие даже самой пленительной из Дульциней не могло воодушевить на такие подвиги, как вдохновляет рыцарей наживы обладание высокой прибылью. Их подвиги беспримечны и безграничны по своей подлости. Лицемерие и угроза, крест и пушка, фирмам и ядовитые газы,—все нравственно, все хорошо, если приносит прибыль.

В погоне за барышами капиталистические объединения пользуются, как одним из могущественных средств конкуренции на внешнем рынке, бросовыми ценами. Оградив себя таможенными барьерами внутри страны, национальный капитал беззастенчиво грабит свое отечество высокими ценами, выжимает прибавочную стоимость из рабочего класса путем удлинения рабочего дня (несмотря на высокую технику) и снижения зарплат (при большой дороговизне), чтобы благодаря высокой сверхприбыли, получаемой внутри страны, завоевать внешний рынок бросовыми ценами.

Снижение цен в капиталистических странах отнюдь не является следствием желания удовлетворить шире потребности общества; нет, это только досадная и вынужденная необходимость. Капита-

¹ Прекрасной иллюстрацией к этим мыслям послужит политика империалистов в Китае.

листы снижают цены только тогда, когда рынок решительно отказывается поглотить товары по высоким ценам или когда их нуждается жестокая конкуренция. В тех случаях, когда из конкурентной борьбы выходит победителем одна группа, разорив своих соперников, или, что бывает гораздо чаще, враждовавшие группы объединяются в один трест или синдикат и становятся монополистами рынка,—в этих случаях не может быть и речи о снижении цен. Наоборот, как только образуется синдикат-монополист, то первым актом синдиката является повышение цен. Весь смысл и главная цель капиталистических объединений в том лишь и заключаются, чтобы поднять цены и сохранять их на высоком уровне, чем и обеспечить колоссальные дивиденды.

Монополистические объединения не хуже нашего Госплана учитывают емкость рынка и рост потребности, но совсем не для того, чтобы полнее и лучше удовлетворить потребности общества. Боже сохрани, совсем нет. Это делается для того, чтобы производить немного меньше, чем требуется, и этим обеспечить устойчивость высоких цен. Северо-Амер. Соед. Штаты — классическая страна финансового капитализма, страна грандиозных трестов и синдикатов, страна, не только не пострадавшая от войны, но переработавшая в золото кровь мировой бойни и оставившая далеко позади себя старуху-Европу по совершенству техники, а, следовательно, и по снижению себестоимости товаров,—и в этой стране цены не снизились по сравнению с довоенными, а повысились. Если принять цены 1913 года за сто, то мы получим следующую таблицу:

Цены на продукты промышленности в С.-А. С. Ш.

	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Оптовые	100	13 ¹	145	140	151	140
Розничные	100	169	171	171	175	175 ¹

Сколько бы причин ни оказывали влияния на повышение цен, но основная и главнейшая из них — сумасшедшая прибыль, загребаемая монополистами. Все достижения науки и техники превращаются в сверхприбыль капиталистов, а те изобретения и усовершенствования, которые могли бы много дать человечеству, но не обещают увеличения прибылей, спокойно кладутся под сукно. Какое дело капиталистам до человечества. «К чорту публику!»²

Пролетариат, взявший власть в свои руки, не может руководствоваться хозяйственными принципами буржуазии при строительстве социализма. Он не может посылать публику к чорту, ибо он — часть этой «публики», он — старший брат трудового крестьянина, вместе с которым составляет основную массу «публики», которая производит и потребляет все материальные богатства. Основная задача нашего производства — удовлетворение потребностей советского общества.

Конечно, ни одна общественная формация не может развиваться без расширенного воспроизводства, без накопления. Без рас-

¹ В Соединенных Штатах, как видно из таблицы, тоже существуют «ножницы» между оптовыми и розничными ценами. В 1926 г. оптовые цены выше довоенных на 40%, а розничные — на 75%.

² Лозунг американского капиталиста Вандербиля.

ширенного воспроизводства построить социализм нельзя. Но накопление у нас не может происходить за счет недоедания производителей—рабочих и крестьян. Рост накопления должен идти (и идет) параллельно с повышением материального уровня жизни пролетариата и крестьянства, за счет развития производительных сил, путем совершенствования техники и рационального использования средств производства и рабочей силы.

Политика высоких цен и высочайшей прибыли не отвечает интересам пролетариата и не обещает радужных перспектив нашей промышленности.

Монополистические условия, в которых находятся наши хозяйственные учреждения и предприятия, и бюрократическая косность мысли толкают некоторых руководителей наших промышленных и особенно торговых предприятий по линии наименьшего сопротивления, по линии забвения интересов потребителей—на путь высоких цен и высочайшей прибыли. Это—не наш путь.

«В нашей хозяйственной системе политика снижения цен и есть то средство, с помощью коего рабочий класс воздействует на снижение себестоимости, заставляет хозяйственные организации увеличить свою маневренность, подталкивает к рационализации производства и тем самым создает действительно здоровые источники социалистического накопления, столь необходимого для продвижения дела индустриализации страны» (из резолюции февральского пленума ЦК).

Даже оппозиционные идеологи высоких цен и сверхиндустриализации стали сейчас сторонниками снижения цен и стремятся доказать, что «я не я и хата не моя», что они и раньше не были за высокие цены. Этот поворот курса оппозиции подтверждает лишь правильность политики партии и вредность оппозиционной пропаганды высоких цен, которая оказывала моральную поддержку хозяйственникам, проводящим политику высоких цен.

II. Значение проблемы цен

Для капитализма прошлого столетия рыночная цена могла казаться каким-то божественным произволом, независимо от воли любого из участников рыночной борьбы и, наоборот, судьба каждого товаропроизводителя зависела от состояния рыночных цен. Капитализм же монополитического периода (современный) уже сам начинает сознательно и планомерно управлять механизмом цен (хотя через известные промежутки времени механизм этот вырывается из цепких лап капитала, ударяя весьма чувствительно по лапам). Не довольствуясь той прибавочной стоимостью, которая создается в его недрах, капитал использует свою организационную мощь и посредством высоких цен перекачивает прибавочную стоимость из слабо развитых отраслей производства и прибавочный продукт из некапиталистических сфер народного хозяйства в свои широкие карманы.¹

В переходную эпоху, когда обобщественное хозяйство является только частью целого и продукты производства принимают форму товаров, господствующий в экономике страны пролетариат

¹ Такая „перекачка“ приб. ст. из предприятий и отраслей с низким органическим составом капитала в предприятия и отрасли с высоким орг. составом происходила и в эпоху промышленного капитализма, но тогда это был стихийный рыночный процесс.

пользуется политикой цен, как одним из рычагов для планового руководства необобществленным сектором народного хозяйства.

В минувший восстановительный период довоенные нормы производства и пропорции между отраслями производства были в известном смысле тем идеалом, к которому мы стремились. Но восстановительный период остался уже позади, мы вступили в полосу реконструкции народного хозяйства, коренного изменения соотношения отраслей хозяйства, чтобы превратиться из страны аграрной в индустриальную. На рубеже этих двух этапов нужно особенно тщательно и вдумчиво отнестись к политике цен, этому центральному узлу, в котором переплетаются все нити народного хозяйства. От той или иной политики цен зависят судьбы взаимоотношения пролетариата и крестьянства, промышленного и сельского хозяйства, темпа индустриализации и социалистического накопления. Проблема цен решает и проблему распределения национального дохода. От высоты цен зависит реальное содержание заработной платы, устойчивость червонца и—последнее по счету, но не по важности—прочность монополии внешней торговли, предохраняющей наше молодое социалистическое хозяйство от экономической интервенции мирового капитала.

В самом деле, крестьянство далеко не безразлично относится к вопросу о том, каковы промышленные цены, высоки они или низки. Цены на промышленные и сельскохозяйственные продукты как раз и являются тем пунктом, где происходит хозяйственное соприкосновение пролетариата—хозяина промышленности—с крестьянством. *И вопрос о ценах из чисто экономического вопроса превращается в политический. Политикой цен закладывается экономический фундамент политического союза пролетариата с крестьянством.*

От политики цен зависит покупательная способность крестьянского рынка. При высоких ценах на промышленные изделия и низких на сельскохозяйственные продукты крестьянский рынок не сможет поглощать из года в год возрастающую продукцию промышленности, и это будет тормозом для индустриализации, так как при слабом сбыте расширять производство, увеличивать продукцию, переходить от устаревших способов производства к усовершенствованным не будет ни смысла, ни возможности. Новые заводы будут не нужны, если не будет систематически и энергично возрастать спрос на заводскую продукцию.

Кроме того, расхождение цен подрывает развитие промышленности с другого конца. Изъятие из деревни прибавочного продукта, посредством высоких промышленных цен, задерживает переход от зерновых культур к трудоемким техническим культурам и тормозит развитие скотоводства (в интенсивном хозяйстве требуется больше средств на десятину, чем в хозяйстве экстенсивном), а количество скота не может возрастать без общего подъема хозяйства, без перехода крестьянского хозяйства от натурально-потребительского к товарному. Затержка интенсификации сельского хозяйства неизбежно отразится на развитии промышленности, т. к. интенсивные культуры (хлопок, лен, сахарная свекла и т. д.) и продукты животноводства (шерсть, кожа и т. п.) и являются тем самым сырьем, которое перерабатывает городская промышленность и которое должно быстро возрастать, чтобы удовлетворять растущие потребности промышленности.

Кроме того, высокие отпускные цены госпромышленности дают возможность развиваться и успешно конкурировать частной промышленности, мелкой по своим размерам, но более изворотливой.

При повышении цен на предметы потребления, заработная плата рабочих, несмотря на свой рост в денежном выражении, может топтаться на месте или даже понижаться по своей покупательской способности. Следовательно, уровень материального благополучия рабочего класса зависит не только от размера зарплаты, но и от высоты уровня цен. Вместе с тем, от уровня цен зависит и устойчивость нашей валюты, нашего червонца. Чем больше товаров приходится на один червонец, тем он устойчивее, тем прочнее вся наша финансово-кредитная система. При большой покупательной способности червонца, удешевляется строительство новых фабрик, заводов и жилищ, стоящее сейчас необычайно дорого.

При росте покупательной способности червонца будет укрепляться и возрастать доверие к нему со стороны населения, а вместе с тем будут возрастать и вклады в сберегательные кассы, что послужит дополнительным источником финансирования индустриализации.

Монополия внешней торговли предохраняет нашу социалистическую промышленность от лавины дешевых капиталистических товаров. Но время от времени бывают случаи, когда сквозь щели этого барьера просачиваются заграничные товары, в виде контрабанды, с которой ведется государством борьба, и, что гораздо хуже, всеми правдами и неправдами хозяйственные учреждения добиваются разрешения на ввоз отдельных товаров, производящихся у нас, чем затрудняют сбыт нашей продукции и ослабляют наши валютные ресурсы.¹

Оба эти явления возможны только при условии слишком большого расхождения цен мировых и наших. Чем меньше разница между мировыми ценами и нашими, тем прочнее монополия внешней торговли.

Само собою разумеется, что монополия внешней торговли — не самоцель и не злокозненная выдумка для искусственного повышения цен, она лишь средство предохранения нашей, еще слабой, социалистической промышленности от капиталистической конкуренции. А разница между мировыми ценами и нашими неизбежна до тех пор, пока наша промышленность не достигнет высокого уровня развития. Но задача пролетарского государства, в интересах самосохранения, укрепления союза с крестьянством, в интересах завязывания хозяйственного сотрудничества с освобождающимися колониальным и полуколониальным Востоком, стремиться рациональными мероприятиями все больше и больше сводить к нулю расхождение цен мировых и наших, приблизить тот момент, когда социалистическая промышленность сбросит с себя предохранительные пеленки и станет грозным фактором перед безносимым лицом гниющей капиталистической экономики.

III. Соотношение цен

Центральным пунктом повестки дня последнего пленума ЦК ВКП(б) был вопрос о снижении отпускных и розничных цен. Спрашивается, какие причины заставили сосредоточить внимание пар-

¹ Когда ввезено из-за границы товаров на большую сумму, чем вывезено, то разницу приходится покрывать золотом и опустошать сундуки Госбанка.

тии на этом пункте? Ответ на этот вопрос не трудно найти даже при беглом просмотре соотношения цен: довоенных с нынешними, промышленных с сельскохозяйственными, оптовых с розничными и, наконец, цен мировых с ценами в СССР.

А. «Ножницы» цен на с.-хоз. и городские продукты

Расхождение цен на городские и сельские продукты осенью 1923 г. достигло необычайного размера и получило название «ножниц». Энергичными мероприятиями партии удалось снизить промышленные цены, а неурод хлебов в 24-м году вызвал повышение сельскохозяйств. цен и лезвия ножниц сжались. В 1924 году мы имели самое благоприятное соотношение цен для с. х-ва. С.-хоз. цены некоторое время были даже выше промышленных: затем, вследствие хорошего урожая 1925 г. и товарного голода, «ножницы» снова начинают разжиматься и стремиться к положению двадцать третьего года.

Приведенные ниже таблицы с достаточной яркостью обнаруживают ненормальное соотношение между промышленностью и сельским хозяйством.

Соотношение заготов. цен 1913 и 1926 г. г. и покупательская способность крестьянского рубля

Район заготовки		Цена 1913 г.	Заготовит. цена июля 1926 г. (в черв. коп.)	В перев. по роз. пром. инд. на дов. копейки	Покуп. способн. на пром. тов. по сравн. с 1913 г. в %
Украина	рожь	70	65	23	33 %
	пшеница	90	110	31	34 %
	ячмень	67	44	16	24 %
Сев. Кавк.	пшеница	86	100	31	36 %
	ячмень	59	48	16	27 %
Поволжье	рожь	59	68	24	41 %
	пшеница	80	114	40	50 %
Сибирь	рожь	57	56	25	44 %
	пшеница	82	86	38	46 %

(А. Кактынь—«Борьба за снижение»)

Приведенная таблица рисует положение прошлого года, а следующая таблица показывает динамику покупательской способности главного продукта деревни — ржи, на некоторые городские продукты за три года (см. таблицу на стр. 14).

По этой таблице совершенно очевидно невыгодность для деревни соотношения цен. Из семи товаров только один керосин ближе всего к довоенному соотношению, а в 1924/25 г. был даже ниже довоенного.

Апрельский пленум ЦК партии и СТО (постановление от 2 мая 1926 г.) дают директивы снизить по некоторым товарам розничные цены на 10%, но эти директивы натолкнулись на тупое сопротивление торгового аппарата и остались невыполненными. И цены остались прежними.

Сколько фунтов ржи приходится за городские товары

За какой товар	Цифры абсолютные				Цифры относительные			
	1913 г.	1923- 24 г.1	1924- 25 г.	1925- 26 г.	1913 г.	1923- 24 г.	1924- 25 г.	19 5- 26 г.
Сахар (1 ф.) . . .	8,7	37,2	16,5	15,4	100	428	190	174
Сельди (1 ф.) . .	6,3	11,5	7,3	10,5	100	182	116	167
Соль (1 ф.) . . .	0,5	2,5	1,1	1,3	100	500	220	260
Сапоги (1 пара) .	27,9	1023	586	774	100	367	210	277
Ситец (1 арш.) .	7,2	32,7	15,7	18,6	100	454	218	220
Керосин (1 ф.) .	2,5	4,9	2,3	2,7	100	196	92	108
Спички (1 кор.) .	0,5	1,6	0,7	0,8	100	320	140	160
Средние по всем товарам					100	350	155	195

Цена ржи — заготовительная
«Хлебпродукта» цена промтова-
ров — по мелким уедам, городам.

(«Плановое хозяйство» № 2. 1927 г. Бюллетень Госплана).

Б. Цены на розничные с.-х. продукты.

Выше мы говорили, какое важное значение имеет политика цен для регулирования неограниченного х-ва, распыленного на громадном пространстве. Политика цен — один из рычагов (другие рычаги: кредит, налоговая политика и т. д.) для направления мелкого крестьянского хозяйства навстречу растущим нуждам промышленности, превращения зернового по преимуществу с. х-ва в базу промышленного сырья. Правильное соотношение заготовительных цен на хлеб и на такие продукты, как лен, хлопок, выгодное для последних, будет стимулировать распространение технических культур и вытеснит малодоходные зерновые культуры. Мы, к сожалению, еще не научились как следует пользоваться этим рычагом, и в прошлом у нас были допущены серьезные ошибки, которые дали себя знать тем, что в 1925/26 г. при значительном увеличении общей площади посевов площадь специальных и технических культур выросла на ничтожную величину, а по некоторым даже и сократилась. Объяснение этому печальному факту дает следующая таблица:

Покупательная способность овса, ржи и льна, по сравнению с довоенной, по СССР

	Довоенная	Октябрь 1924 г.	Октябрь 1925 г.	Октябрь 1926 г.	
Овес	100	87	78	82	(журнал «Сельск. и лесн. х-во» № 2, 1927 г.)
Рожь	100	67	73	80	
Лен	100	103	80	62	

¹ Хозяйственный год начинается с 1 октября, поэтому приходится писать 1923/24. Год делится на четыре квартала по 3 мес.: октябрь-декабрь — 1-й кв. хоз. года, январь-март — 2-й кв. и т. д.

Если цена на овес колеблется, на рожь систематически поднимается, то цена на лен столь же систематически падает. В 1925/26 г. цена хлопка была только в полтора раза выше цены на пшеницу, а в довоенное время она была в три раза выше. Цена на подсолнух была почти вдвое ниже цены на пшеницу, а в довоенное время они были равны.

Результатом такого соотношения цен мы имеем следующие изменения в приросте площадей посева:

Процент прироста посевной площади к предыдущему году по СССР
(+ прирост, — убыль)

Годы	Ячменя	Пшев.	Овса	Ржи	Льна	Хлопка	Конопли	Сахар. свеклы	Подсол.	Куку- рузы
1925 г.	—	—	—	—	+ 25,0	+ 29,0	+ 19,0	+ 39,0	+ 20,3	—
1926 г.	+ 19,0	+ 22,3	+ 22,2	+ 1,4	+ 1,0	+ 7,0	+ 3,0	+ 3,0	- 15,0	- 16,3

(Журн. „Соц. Х-во“ кв. VI за 1926 г., ст. Ревакина).

Посевы зерновых культур, кроме кукурузы, бурно возрастают, а посевы льна, хлопка, конопли и сах. свеклы резко падают в своем росте. Посевы кукурузы и подсолнуха даже упали на шестую часть. Такая трансформация с хозяйства ничего хорошего не обещает. Прекращение роста добычи сельскохозяйственного сырья для промышленности создает ей затруднения в нынешнем году и грозит превратиться в тормоз ее развития на протяжении ряда лет.

Из приведенного материала становится очевидным, насколько нетривиально со всех точек зрения, — и с политической и с экономической, — теперешнее соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, с одной стороны, и соотношение цен на различные сельскохозяйственные культуры — с другой.

В. Оптово-розничные позиции

Рассмотрим сейчас «ножницы» между ценами розничными, по которым товар доходит до потребителя, и отпускными ценами промышленности. Здесь дело обстоит тоже далеко не блестяще.

Индексы² цен промышленных товаров:

	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г. (1-й кв.)
Оптовый индекс промышл. тов.	100	215	192	201	204
Розничный инд.	100	254	228	240	250

(По данным
Бюлл. Э. С. С.
Госплана,
№ 25)
16%

¹ Под руками нет сведений о ценах.

² Индекс составляется таким образом: для индекса розничных цен промышл. товаров берутся в определенной пропорции разнообразные изделия городской промышленности на какую-либо определенную сумму, скажем, на 10 довоенных рублей по довоенным розничным ценам и сравниваются со стоимостью тех же предметов и в том же количестве по розничным ценам в каждый данный момент. Так же примерно составляется оптовый и проч. индексы. Индексы хорошо были у нас известны под названием „товарного рубля“.

Довоенные накладки розничных цен на оптовые равнялись 21%, а накладки 1923/24 г. равняются 39%,¹ 1924/25 г.—40%, 1925/26 г.—35% и 1-й кв. 1926/27 г.—44%.

Когда речь идет о ценах на промышленные товары, начиная с 1925/26 г., то следует иметь в виду, что качеством товаров, с этого времени поступающих на рынок, «облегченное», т.е. ухудшенное по сравнению с предыдущим годом. «Облегчение» качества производства пришлось вследствие хронического товарного голода. Недостаток сырья не позволял промышленности при прежнем качестве развернуть производство, чтобы удовлетворить растущую потребность рынка. Эта мера сыграла весьма существенную роль в ослаблении товарного голода.

Самые высокие отпускные и розничные цены были в 1923—24 г. и самые близкие к ним цены—цены 1-го кв. 1926/27 г. Отпускные цены 1-го кв. текущ. года ниже цен 23/24 г. на 5,4%, а розничные цены—только 1,6%, т.е. потребители, рабочие и крестьяне, почти столько же платят за товары, как и в 1923 г., но положение сейчас не столь катастрофично, потому что зарплата в денежном выражении в 1925/26 г. на 54% выше по сравнению с 1923/24 г., а по своей покупательской способности (реальная зарплата) она выше на 35,4%. Сельское хозяйство за этот период тоже значительно двинулось вперед; продукция его выросла на 28% (товарная часть продукции даже на 37%¹ и реальные цены по зерновым культурам возросли на 70%.² Валовой доход на душу населения, занятого в сельском хозяйстве, в 1923/24 г. был 103 руб., а в 1925/26 г.—151 рубль.² Но все это никак не может послужить основанием для благодушия и успокоения. 1923 год является только образцом того, как не надо хозяйничать, как не нужно вести политику цен, и только. Наша задача—итти вперед и как можно скорее уходить дальше от 1923 года, а не приближаться к нему снова, как это случилось в последнее время.

Какие же причины толкнули отпускные и розничные цены вверх?

Г. Причины повышения цен

По целому ряду причин заводская себестоимость промышленной продукции в 1925/26 г. повысилась почти по всем видам производства. Главнейшие причины повышения себестоимости следующие: восстановительная работа доведена до конца в минувшем хозяйственном году, когда были пущены в ход плохо оборудованные фабрики и заводы с изношенными и устаревшими машинами; производительность этих заводов низка, а издержки высоки. Кадры квалифицированной рабочей силы тоже истощены, и промышленность поглотила большое количество необученных рабочих, пришельцев из деревни. Производительность труда этих рабочих при тех же же условиях, конечно, ниже, чем производительность квалифицированных. Вот две главнейшие внутрипромышленные причины повышения себестоимости.

Кроме внутренних, есть еще и внешние причины.

Низкие цены 1925 г. на сельскохозяйственное сырье, как мы уже видели, приостановили рост сырьевых культур, тогда как по-

¹ Такие проценты получены следующим путем: оптовые цены соответственного года приняты за 100 и арифметическими действиями выведена процентная разница между оптовыми и розничными ценами данного года, к которой присоединена довоенная накладка в 21%.

² По контрольным цифрам Госплана.

требности промышленности возросли, и это оказало влияние на сырьевые цены: они несколько поднялись. Какое влияние на себестоимость оказало повышение цен на сырье, показывает следующая таблица:

Изменение себестоимости промышленной продукции в процентах
(+ повышение, — снижение)

	Общее изменение себест.	За счет сырья	За счет других элементов	
Хлопчатобум. ткань . . .	— 2,0	— 2,8	+ 0,8	
Грубое сукно	— 2,8	+ 1,7	— 4,5	
Подшва из русск. сырья	+ 6,0	+ 4,8	+ 1,2	
Масло подсолнечное . .	+ 19,5	+ 15,4	+ 4,1	(Молчанов —
Сахар	— 11,5	— 0,9	— 10,6	«Эк. Ж.»
Пиломатериалы	+ 52,6	+ 62,6	— 10,0	№ 253, 26 г.)
Цемент	+ 8,0	+ 2,0	+ 6,0	
Галоши	+ 27,0	+ 20,6	+ 6,9	

Только в одном случае из семи себестоимость снижена, несмотря на повышение сырья, а, как правило, повышение стоимости сырья влечет за собой повышение себестоимости продукции, причем львиная доля повышения приходится на сырье. В том же направлении действовали и некоторые другие факторы: повышение железнодорожных тарифов, повышение акцизов и налогов на промышленность.

Нам хотелось бы заострить внимание читателя на том исключении из правила, которым является грубое сукно. Сырье повысилось на 1,7%, одинаково повысились налоги и тарифы, но руководители производства грубого сукна нашли какие-то средства для понижения «за счет других элементов» на 4,5%, и мы видим общее понижение себестоимости на 2,8%. Нам думается, что добрая половина хозяйственников при энергичной работе могла бы найти кое-какие «элементы» для снижения себестоимости.

Перейдем сейчас к розничным ценам.

Еще никогда, даже в 1923—24 г., не был так велик процент накидок в розничных ценах на отпускные, как в 1-м кв. 1926—27 г. Такие колоссальные накладки мыслимы только в условиях товарного голода, но они не терпимы.

Частичное повышение накидок объясняется повышением ж.-д. тарифов, налогов, ухудшением условий кредитования и вздорожания аренды за торговые помещения и склады, но это объяснение критики не выдерживает. Этого еще недостаточно, чтобы поизывать накладки. Торговые накладки за все годы нэпа слишком высоки. Если в первые годы можно было это терпеть, потому что тогда только еще учились торговать, загрузка торговой сети была слаба, обороты малы и т. д., то сейчас пора быть уже обученным. Государственный и кооперативный торговый аппарат за эти годы вырос и окреп, обороты так увеличились, что давно бы пора рационализировать торговлю и снизить накладные расходы. В области рационализации если сделано весьма мало в промышленности,

то в торговом аппарате еще и не приступлено к этому. Накладные расходы необычайно высоки. Торговый аппарат пожирает огромную долю той цены, которую приходится платить потребителю.

Но не всегда и не везде дело объясняется только высокими накладными расходами. Наши кооперативы не прочь воспользоваться товарным голодом для выколачивания кругленьких прибылей в 200—300% на вложенный капитал¹ или по 5—8% на оборотный — при том условии, когда весь капитал оборачивается в 5—7 дней.

Такое заграбание «Правда» справедливо называет свинским отношением к потребителю, обнаруживающим тенденцию к монополистическому загниванию. Иначе квалифицировать и нельзя.

Д. «Ножницы» цен заготовительных и продажных на хлеб

Попутно следует коснуться накидок на сельскохозяйственные продукты, ибо и здесь многое обстоит далеко не так, как бы следовало.

Чтобы не загромождать излишними цифрами статью, возьмем для сравнения цены заготовительные и отпускные только на одну рожь и за одно второе полугодие 1926 года:

З а о д н и п у д в к о п е й к а х							
	Июль	Август	Сент.	Окт.	Ноябрь	Дек.	Январь 1927 г.
Средние заготовительные цены по СССР	66	68	71	71	71	70	—
Продажи. оптово-роз. цены потребляющей полосы.	141	131	134	131	133	132	128
% накидок	113	93	89	85	87	85	83 (к дек.)

(По данным т. Виноградского, — Журн. «Хлебный Рынок», № 1—2, 1927 г.)

Заготовленный по низким ценам хлеб потребителю обходится не очень дешево. Правда, здесь видна тенденция к систематическому снижению процента накидок, но эта тенденция слаба, а самая низкая из накидок непомерно высока. Аппетит хлебозаготовительного и торгующего аппарата не скромнее торгового аппарата других видов, ибо, несомненно, львиная доля накидок пожирается им.

Высокий процент накидок на продажные хлебные цены давит не только на потребителя, он давит и на себестоимость промышленной продукции, через уровень реальной зарплаты, так как хлеб занимает почтенное место в бюджете рабочего. Высокие накладные расходы хлебозаготовок давят и на рентабельность хлебного экспорта.

Е. Промышленные цены заграничные и наши

Для полноты картины приведем еще одни и последние «ножницы» — соотношение промышленных цен главнейших капиталистических стран и наших.

¹ См. передовую «Правды» от 1 февраля с/г.

Отношение оптовых промышленных цен в золоте:

	СССР	Англия	Франция	Германия	Соед. Шт.	
Цены 1913 г.	100	64	66	55	59	«Контрольные цифры Госплана»
„ на 1-е янв. 1926 г. . .	100	40 ¹	35	43	37	

Довоенное соотношение цен было не в пользу России, а соотношение в 1925 г. еще хуже. Послевоенные цены капиталистических государств не ниже, а выше довоенных, и «ножницы» раздвинулись лишь потому, что наши современные цены поднялись больше, чем в капиталистических странах.

Как бы там ни было, а факт остается фактом: наши цены гораздо выше передовых капиталистических стран, и перед нами стоит серьезная задача — в «относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (резолюция XV партконференции).

Без этого немислимо построить социализм.

IV. Снижение цен через рационализацию

После всестороннего рассмотрения состояния цен вывод один: дальше так быть не должно. Этот вывод сделал февральский пленум ЦК ВКП(б) и наметил ряд конкретных мероприятий по снижению цен как розничных, так и оптовых.

Мероприятия эти вкратце сводятся к следующему:

1) Сохранить на достигнутом уровне цены на сельскохозяйственные продукты, изменив соотношение между зерновыми культурами и теми продуктами, которые служат сырьем для промышленности, в пользу последних.

2) Добиться во что бы то ни стало к 1 июня снижения розничных цен по всем товарам не менее, чем на 10% против уровня цен на 1 января с. г. Снижение произвести за счет сокращения накладных расходов по торговому аппарату, «...поставив перед собой задание сокращения их на протяжении текущего хозяйственного года не менее, как на 15% против уровня прошлого года» (из резолюции пленума ЦК) и сокращения чрезмерных прибылей.

«Социалистическое накопление может и должно происходить не путем удержания высокого уровня цен или политики их повышения, а путем достижений в деле сокращения торговых и накладных расходов, рационального построения аппарата и экономного ведения дела» (там же).

3) В текущем же хозяйственном году (т.-е. до 1 окт.) добиться в среднем не менее 5% снижения себестоимости продукции промышленности и по мере снижения себестоимости снижать и оптовые цены, обеспечивая доведение снижения до потребителя; но не ограничиваясь этим, разработать программу мероприятий на ряд лет к систематическому снижению себестоимости и оптовых цен.

¹ За весь 1926 г. цены Англии и Франции выше январских, а Германии и Соед. Штатов — ниже.

«Поскольку накопление в недрах промышленности является одним из важнейших источников, обеспечивающих предусмотренный партией темп индустриализации страны, необходимо решительно добиваться снижения себестоимости, дабы снижение отпускных цен не являлось фактором сокращения промышленного накопления. Снижение отпускных цен должно явиться стимулом, толкающим промышленные предприятия к большим достижениям в области снижения себестоимости».

Но «абсолютно ошибочным и несостоятельным является положение, что интересы накопления и темпа индустриализации диктуют политику высоких промышленных цен. Сохранение высокого уровня цен в условиях отсутствия конкуренции, этого главного стимула улучшения и роста капиталистического хозяйства, в условиях монопольного положения в производстве и на рынке и в условиях монополии внешней торговли сможет создавать опасности бюрократизации наших производственных и торговых аппаратов, ослабления интереса к непрерывному улучшению производства и торговли».

4) Учитывая повсиглавшуюся требовательность потребителя, в текущем же году принять меры не только к восстановлению прежнего, лучшего качества товаров, но и систематически повышать качество продукции всей промышленности.

Все эти мероприятия неотложны и абсолютно необходимы. Все внимание, вся энергия рабочего класса, его партии, профсоюзов и комсомола должны быть направлены для достижения поставленных задач, и тогда они будут решены.

Главнейшее средство для достижения поставленных целей, для коренного улучшения жизненного уровня рабочего класса, для значительного продвижения к социализму — решительная рационализация производства. Без этого мы цели не достигнем.

Улучшение техники и организации производства должно идти по трем направлениям:

1) постройка новых заводов, оборудованных по последнему слову техники; 2) переоборудование существующих предприятий и 3) максимальное использование существующего оборудования.

Все главнейшие капиталистические государства рационализируют производство и достигли в этом направлении больших результатов. Пропасть, отделявшая производительность труда на наших предприятиях от производительности в передовых капиталистических странах, за последний год несколько расширилась. Мы стали еще более отсталыми, чем были, т. е. рационализация производства в нашей промышленности по целому ряду причин движется черепашиным шагом. Плохо двигаться вперед, когда другие двигаются быстро, значит — идти назад. Вот если мы не желаем идти назад, а намерены шагать так, чтобы догонять, а потом и обогнать, мы должны с железной энергией, с такой энергией, какую мы развили в период гражданской войны, взяться за рационализацию социалистической промышленности.

Капиталистическая рационализация проводится за счет рабочего класса — посредством нажима на рабочий день, на заработную плату и выбрасывания рабочих на улицу. Наша рационализация направлена по линии механизации производственных процессов, специализации заводов, применения принципа массового производства, механизации внутризаводского транспорта (конвейеры) и стандартизации сортов товаров. Повышение производительности труда сопровождается повышением заработной платы.

До настоящего времени рационализация производства тормозилась из-за бюрократичности управленческого аппарата, его слабой активности, недостаточного вовлечения в работу по рационализации широких рабочих масс и профсоюзов и из-за плохой постановки учета, распределения и использования рабочей силы. На ряде предприятий имеется излишняя рабочая сила, которая в должной степени не используется и ложится тяжелым бременем на производительность и себестоимость продукции. Для более успешного проведения необходимо изжить все эти недостатки.

При проведении рационализации неизбежно должен обнаружиться излишек рабочей силы на отдельных предприятиях. ЦК партии на этот случай дает следующие директивы:

«В тех случаях, когда улучшение техники и организации производства не может сопровождаться расширением данного предприятия или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы, при чем при сокращении количества рабочих на предприятии должна быть, в частности, использована естественная убыль рабочей силы и учтены сезоны отлива рабочих на сельскохозяйственные работы...

Считать целесообразным выдачу увольняемым рабочим пособия в размере $1\frac{1}{2}$ —3-месячного заработка, в зависимости от района. В планах развертывания промышленности предусматривать такое увеличение производства, чтобы, несмотря на неизбежное сокращение рабочих в отдельных предприятиях в связи с улучшением техники производства, общее количество рабочих по промышленности в целом и в основных промышленных районах не уменьшалось, а увеличивалось.

Обязать, хозорганы предупреждать органы Наркомтруда об освобождающейся массовой рабочей силе не менее, чем за месяц до ее сокращения, а также своевременно сообщать о потребной рабочей силе, усилив при этом роль Наркомтруда в целях обеспечения своевременно о размещении по другим предприятиям рабочей силы, освобождающейся в связи с улучшением техники и организации производства. При наборе рабочей силы на вновь открываемые и расширяемые фабрики и заводы предоставить преимущественное право поступления на работу тем рабочим, которые освобождены или подлежат увольнению в связи с техническими улучшениями» (из резолюции ЦК по вопросам рационализации, — «Правда» от 25/III с. г.).

Несомненно, сокращение — процесс крайне нежелательный и болезненный. Без острой абсолютной необходимости к такой мере партия прибегать не стала бы, но железная необходимость диктует эту меру в интересах всего рабочего класса в целом, и в конечном счете в интересах самой той, относительно маленькой, группы рабочих, которой коснется сокращение. Партия принимает все меры к тому, чтобы этот процесс прошел безболезненно, и задача каждого отдельного коммуниста и комсомольца проявить максимум инициативы и такта при выполнении директивы ЦК. Мы глубоко согласны с ЦК, что «основным условием, обеспечивающим возможность проведения всех этих мероприятий, является сознательное отношение рабочего класса к вопросам социалистической рационализации производства и активная поддержка широких рабочих масс в деле проведения указанных выше мероприятий».

Анализом приведенного материала мы, надеемся, убедили читателя в том, что данное состояние цен совершенно нетерпимо, что нужны решительные меры для снижения промышленных цен. Центральный Комитет дает нам точные, прямые и отчетливые указания, что и как необходимо предпринять для снижения цен. Это, прежде всего, — организация общественного внимания всей партии и всего рабочего класса на проблеме цен, систематическое снижение цен посредством рационализации торговли и промышленности.

Неуклонное проведение этой директивы является средством для решения гораздо более сложной задачи, чем проблема цен, — оно ведет нас через индустриализацию к построению социализма.

Рационализация производства и социалистическая организация юношеского труда

Социалистическая рационализация производства является основной, главной и важнейшей задачей нашей партии и всего рабочего класса в целом. Только разрешая эту задачу, всемерно и быстро улучшая и поднимая технику и организацию производства, возможно осуществление индустриализации СССР, возможно дальнейшее поступательное движение вперед, укрепление материальной базы социалистического строительства. Поэтому совершенно понятно, что ЦК ВКП(б) и вся партия уделяет проблеме рационализации производства центральное место, придает ей первостепенное значение.

Особую важность и исключительную остроту рационализация производства приобретает для нас в связи с низким техническим уровнем нашей промышленности, характеризуемой отсталостью своего оборудования, применением в большом количестве рабочих ремесленного типа, слабой организацией труда вообще.

ЦК ВКП(б) признал, что на наших фабриках и заводах «должна быть широко поставлена работа по машинизации производства, специализации заводов, рационализации тепло-силового хозяйства, организации работ непрерывным потоком (конвейерная система), механизации и улучшению внутризаводского транспорта». «Особое внимание должно быть обращено на массовое и серийное производство и развитие работ по стандартизации изделий».

Машинизация производства, широкое применение машинного способа обработки, переход к серийному производству, введение методов непрерывного производственного потока, естественно, должны определенно и значительно повлиять на рабочую силу, ее квалификацию, распределение в производстве и проч.

Мы говорим об этом, как о факте, совершенно не подлежащем сомнению, потому что опыт и, в первую очередь, промышленная история показывают, что изменение техники и организации производства всегда неизбежно вызывает и изменения требований к рабочим, приводит к перегруппировке рабочего состава, к отмиранию одних (ремесленных) и возникновению других, новых, профессий.

Машинизация производства, замена ручного способа работы машинным прежде всего является могильщиком ремесленной квалификации, она приводит к полному исчезновению многих ремесленных профессий. Ручная обработка, ремесленные способы работы с развитием машинизации исчезают точно так же, как, скажем, «с распространением в современных городах канализаций и водопровода, механически снабжающего каждую квартиру водой, мало-помалу исчезла профессия водовозов».

И наоборот, возникают новые профессии рабочих, например, в каменноугольной промышленности — машинисты врубовых машин, рабочие механической добычи угля, обслуживающие конвейер и прочие механизмы.

Массовое производство приводит к большому разделению труда, к приспособлению рабочего к выполнению отдельных операций. Наряду с этим, конечно, выделяется и группа высококвалифицированных рабочих, — надсмотрщиков, регуляторов работы производств.

Следовательно, рационализация приводит, во-первых, к отмиранию ремесленной квалификации, во-вторых, к разделению труда, а отсюда к уменьшению и упрощению требований к рабочей силе; в-третьих, к нивелировке профессии вообще и увеличению значимости и веса небольшой группы высококвалифицированных старших рабочих и, наконец, к возникновению целого ряда новых профессий и перегруппировке и перераспределению рабочего состава.

Если изменяются требования к рабочей силе, значит, должна измениться, быть перестроена вся система подготовки рабочей силы.

А система подготовки кадров рабочей силы в наших условиях тождественна системе социалистической организации юношеского труда, потому что труд рабочей молодежи в госпромышленности используется не в целях эксплуатации, а в целях обучения и воспитания новых рабочих кадров, — в целях воспроизводства рабочей силы.

Сущность нашего принципа состоит в том, что труд нашей молодежи в производстве подчинен целям обучения, и в том, что это обучение происходит на основе тесного сочетания производственных занятий с теоретическими и гимнастикой. Наша система организации труда рабочей молодежи и наши принципы исходят из нашего стремления создавать из молодого поколения рабочего класса «гармонически развитые личности» (Маркс), сознательных строителей социализма, а не узких практиков, не «живую рабочую машину», не «мускульных автоматов».

Организационной формой, через которую осуществляется наша организация труда рабочей молодежи, а следовательно, и подготовка рабочей силы является, выдвинутая комсомолом, школа фабрично-заводского ученичества.

Но не становятся ли наши принципы, в связи с рационализацией производства, несбыточными, не рушится ли наша система, не настала ли пора увядания фабзавуча?

Вот вопросы, с которыми мы уже встречаемся и на которые мы должны иметь совершенно ясный ответ.

Нас начинают убеждать в том, что «неумолимый железный закон техники» опровергает нашу систему, решительно опрокидывает ее.

Мы сейчас уже начинаем слышать, пока робкий, шопот о том, что наши принципы должны измениться, получить новое содержание. И не только тихий шопот, но и громкий разговор, кое-где проявляющийся, нам приходится слышать — о том, что рационализация производства, реконструкция промышленности подрывают нашу систему обучения. Сторонники этих взглядов исходят из того, что массовое производство предполагает доведение разделения труда до крайних пределов, приспособление рабочих к выполнению отдельных небольших операций ведёт к деквалификации рабочих, к тому, что специального длительного массового обучения новых рабочих

быть не должно, и, поскольку школа ФЗУ является учреждением длительного обучения, она должна свернуться, оставаясь лишь формой подготовки высококвалифицированных рабочих, т.е. небольшой простынки рабочих. Суть этих взглядов состоит в том, что школа ФЗУ должна перестать быть основной и массовой формой подготовки квалифицированных рабочих и должна превратиться в учреждение, готовящее очень узкий круг высококвалифицированных профессий, так сказать, рабочую верхушку.

Те, которые считают, что основные кадры рабочих для реконструируемой промышленности готовятся в школах ФЗУ, не должны исходить из того, что от рабочего массового производства никаких особых знаний не будет требоваться, что от рабочего будет требоваться лишь максимальная быстрота, ловкость, поворотливость, умение успевать за работой машины, иначе говоря, быть усовершенствованным придатком машины.

Эти взгляды достаточно ясны и как будто бы являются правильными, неизбежными.

Многие товарищи спешат прийти к выводу, что наша система пришла к грани падения, что она находится в противоречии с рационализацией производства. «Как дивно солнце ни свети, а все же оно должно зайти», — говорят нам.

Между прочим, и среди некоторой части руководителей и работников школ ФЗУ мы имеем колебания, сомнения и немалые заблуждения.

В № 5 «Молодого Большевика» тов. Гайсенович, один из виднейших московских работников в области ФЗУ, в своей статье пишет о том, что, несомненно, фазавуч будет постепенно свертываться и превратится в школу, готовящую «узкий круг профессий, требующих длительного обучения».

Дальше он же пишет: «Нам придется считаться с фактом, когда школы ФЗУ, как тип подготовки массовой квалифицированной рабочей силы, будут признаны нецелесообразными экономически и производственно себя не оправдывающими».

Растущие сомнения, возникающие заблуждения являются серьезным симптомом. Легко предположить, что ближайший напор части хозяйственников по вопросам труда молодежи мы будем иметь именно по этой линии.

Что же, на самом деле, в промышленности, работающей по методу операционной системы, непрерывного производственного потока, должны ли мы готовить рабочих исключительно «узкой специальности», приспособленных к выполнению одной какой-либо операции, или же, наоборот, мы должны готовить рабочего, ориентирующегося в целом процессе производства, знающего всю работу в объеме своей профессии, имеющего общие и технические знания, обладающего умением выполнения не только какой-либо одной операции, но и всего изделия в целом?

Мы должны для нашей социалистической промышленности готовить, конечно, нового рабочего второго типа.

От современного рабочего все меньше требуется квалификация рук, но зато в большей степени требуется квалификация головы. Мы должны и будем готовить не «живые механизмы», не «мускульные автоматы», не «одаренные сознанием придатки частичной машины» (Маркс). Мы должны и будем готовить творческих строителей социалистической промышленности, класс сознательных организаторов производства. Социалистическая организация имеет целью на-

ряду с прочим и повышение культурного уровня рабочего класса, а это может обеспечить наша социалистическая система организации юношеского труда.

Резкую противоположность имеет капиталистическая рационализация. Она означает еще большее закабаление и истощение рабочего класса. В Америке и Европе рационализация превращает рабочего в придаток машины, она вконец изнуряет и истощает силы рабочего.

Мы знаем, что означает для живого организма человека монотонность, односторонность, вечное однообразие в работе, что означает быть прикрепленным на всю жизнь к выполнению одной и той же операции. Оно означает неизбежное истощение сил, обалдевание, оно порождает отвращение к работе. В Германии, где массовое производство, сравнительно, широко развито, было произведено посредством анкет обследование 4.800 рабочих.

И весьма характерно то, что «почти 80% рабочих не были заинтересованы в своей работе, или относились к ней равнодушно».

Американский экономист Стюарт Чэз, автор нашумевшей книги «Трагедия расточительства», приводя эти данные, приходит к выводу, что «вряд ли Америка дала бы иные цифры: отношение человека к современным методам производства, по всей вероятности, одинаково во всем мире. Это отсутствие интереса к работе служит причиной значительной части прогулов, не взирая на вызываемую им потерю заработка».¹

Признавая, что «природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение, функции, всестороннюю подвижность рабочей силы», соглашаясь с неизбежными следствиями рационализации: упрощением производственного процесса и требованиями к квалифицированным рабочим, расчленением производственной работы на отдельные операции, признавая, что ремесленная квалификация должна значительно снизиться и совершенно отмениться, на-ряду с увеличением требований к узкой группе регуляторов—высококвалифицированных рабочих, — мы все же можем решительно сказать, что ни в каком противоречии наша система рационализации производства не находится и находиться не может.

Конечно, требования к рабочей силе будут уменьшаться и упрощаться. Но, товарищи, из этого никак нельзя делать тот вывод, что «школа ФЗУ должна свертываться», а вся наша система будет вырождаться. Такой вывод явно ошибочен. Всегда, когда ставится вопрос о школе ФЗУ, нужно помнить, что школа ФЗУ, как массовая рабочая школа, в условиях рационализации и реконструкции промышленности должна еще шире, чем теперь, развиваться, вырасти, но, конечно, школа ФЗУ, являющаяся организационной формой воплощения нашего принципа, при его полной неизменности, может в определенной степени видоизменять свое содержание, отвечая конкретным требованиям производства.

Школа ФЗУ должна стать более гибким учреждением, могущим своевременно улавливать изменяющиеся требования рационализируемого производства, могущим быстро перестраивать свою работу, приспособляясь к новым требованиям производства. Школа ФЗУ должна быть очень чутка по отношению к производству.

Требуется ли нового типа рабочие, новых специальностей, с новыми знаниями и пр.,—школа ФЗУ должна быть всегда готова. Толь-

¹ Чэз Стюарт—«Трагедия расточительства», стр. 71.

ко при этом условии она может выполнять прогрессивную роль, толкать производство вперед, посредством квалифицированных людей.

Лучшие специалисты нашей страны вполне поняли роль рабочего в советском производстве, хорошо усвоили новые принципы подготовки рабочих.

Мы приведем ниже большую, но стоящую выдержку из речи исследовавшего вопросы рационализации советского производства члена Севзаппромбюро, заведующего его производственно-техническим отделом, виднейшего и популярного инженера тов. Цвибеля на северо-западном областном совещании хозяйственных органов по вопросам профтехнического образования, бывш. в ноябре месяце 1926 г. в Ленинграде.

Тов. Цвибель, остановившись на характере требований к рабочей силе различных отраслей производства, в связи с его рационализацией, сказал: «Нередко приходится слышать, что можно ставить и чернорабочих там, где мы переходим на массовое производство. Нет, такой взгляд неправилен. Нет, нам нужны квалифицированные рабочие, но в это слово должен быть вложен не тот смысл, который мы по-старинке в него вкладываем. В дальнейшем это слово (квалифицированный рабочий) будет означать умение играть сознательную роль в сложных производственных процессах. Мы себе не мыслим, что тот рабочий, который должен будет стоять в реорганизованном производстве, не мыслил бы, не думал бы, не охватил бы определенного цикла производственного процесса, ибо только тогда он в наших условиях может быть хозяином. Но, конечно, конфигурация этой квалификации будет другая...» Наша подготовка должна иметь целью воспитание такого рабочего, который может сознательно участвовать в производственном процессе: к чему его призывает экономическая и социальная обстановка. Вот как я мыслю те задачи, которые стоят перед профтехническим образованием, как таковым, и под этим углом зрения — иметь в перспективе и программу и характер обучения в наших школах фабрично-заводского ученичества, которые тем и хороши, что они находятся при предприятии и имеют возможность следить ежедневно за теми изменениями, которые будут происходить в жизни наших заводов. Конечно, эти задачи будут осуществляться постепенно. Вы будете два-три года идти по старой программе, но попутно с этим программу придется менять и соответственно с этим видоизменять характер квалификации, всю, ту подготовку, которая необходима будет для того, чтобы нашу реорганизованную промышленность вести по тому пути, который намечается».¹

В январе месяце 1926 года на заседании промышленно-экономического совета ВСНХ СССР был заслушан доклад т. Каменского на тему: «Удовлетворение реконструированной промышленности квалифицированной рабочей силой путем рабочего образования». В резолюции, принятой советом по этому вопросу, между прочим говорится, что реконструкция промышленности приведет к повышению требований к общей и технической грамотности рабочих, занятых в производстве и вновь вовлекаемых в него.

Эти доводы, по нашему мнению, с необычайной яркостью показывают, что наша позиция, позиция ВЛКСМ, о том, что школы ФЗУ и вся система организации юношеского труда не только не противостоят рационализации производства, но именно соответствуют ему

¹ Цитирую по стенографическому отчету совещания.

и являются необходимейшим условием процветания рационализации и развития производства, — является совершенно правильной.

Воспроизводство народного хозяйства в СССР будет происходить на расширенной основе, т.е. на основе непрерывного развития отраслей производства и средств потребления. Но процесс производства мыслим лишь при условии наличия соответствующих кадров достаточно подготовленных, умных и культурных рабочих. Поэтому, естественно, и воспроизводство рабочей силы должно происходить также на расширенной основе.

Это означает для нас то, что размеры подготовки новых кадров квалифицированных рабочих из молодежи с каждым годом должны быстро развиваться.

В составленном ВСНХ СССР, правда, сугубо-ориентировочном плане воспроизводства рабочей силы на ближайшие 5 лет предусмотрено и создание более 100 новых школ ФЗУ, — увеличение учащихся на несколько десятков тысяч.

Тенденцию, которая, несомненно, должна быть свойственна школам всех отраслей промышленности, достаточно ярко показывают имеющиеся у нас сведения о плане воспроизводства рабочей силы по крупнейшему тресту каменноугольной промышленности СССР. Так, согласно данных Донугля, в ближайшие 5 лет предполагается увеличить количество учащихся в школах ФЗУ с 2.352 человек (1926 г.) до 5.900 чел. (1929—30 г.г.) и в соответствии с этим поднять процент охвата брони подростков с 32,6% до 68%.

Наша линия должна состоять в том, чтобы в ближайшие 5 лет, вместе с развитием народного хозяйства и ростом накопления в промышленности, охватить всех рабочих подростков школами ФЗУ. Осуществление этого тем более представляется возможным в связи с новым исчислением брони подростков в производстве только по отношению к квалифицированным рабочим.

Мы должны разъяснить рабочей молодежи эту нашу линию, мы должны создать ясное представление в массах молодежи о перспективах ее труда в период социалистической рационализации.

Об упадочничестве в литературе

Об упадочности в литературе сейчас спорят очень много и жестоко. Началось с Есенина, подросел Малашкин со сборником своих рассказов, главным образом с повестью «Луна с правой стороны», Романов с рассказами: «Без черемухи» и «Суд над пионером», Гумилевский со своим романом «Собачий переулок». И пошло. Молодежь закишела, забурилась. Началась потасовка. Каждый vuol стремиться устроить диспут, приглашая на него представителей крайних точек зрения, полагая в наивности, что чем ярче будут бои, тем скорее выявится истина. Прения идут неорганизованно, бессистемно, люди говорят о разных вещах и на разных языках.

Попробуем, хотя бы в самых общих чертах, выяснить, в чем сущность упадочности литературы и какие общественные условия породили это явление.

Подходить к упадочничеству наших дней с какими-либо старыми мерками, старыми шаблонами нельзя. Конкретный характер этого явления обуславливается определенными особенностями нашей современной жизни. Поскольку различна жизнь и условия ее развития, постольку различны характер и корни упадочности. «Литературный распад» после пятого года совсем не тот, что распад наших дней.

Литература, как особый вид идеологии, выполняет социально-организующую функцию. В наши годы она служит задачам организации коммунистического общества, служит в той или иной степени диктатуре пролетариата. Если литература не в силах понять современных жизненных задач или смотрит на мир глазами, чуждыми пролетариату, пытается молодую общественную энергию из области коммунистического строительства направить в другие области, она становится упадочнической, потому что в таком случае она не только не помогает обществу в его сверхчеловеческих усилиях строительства, не только расслабляет и распыляет общественный порыв и человеческую энергию, но часто фактически разрушает уже имеющиеся достижения.

Без перестройки нашего мышления, наших чувств, нашего быта, наших отношений на новых началах говорить о конечной победе пролетарской революции нельзя и опасно. Советская Россия напрягает все свои силы на культурном фронте, — без победы на нем нет и не будет полной диктатуры пролетариата. Наоборот, сильна опасность мелкобуржуазной стихии, которая готова и может захлестнуть многие наши устремления. Хотя строительство коммунизма в конечном счете зависит от состояния производительных сил страны, все же без подъема и перестройки культуры идти дальше крайне трудно. Все, в том числе и литература, должны служить строительству жизни. Деорганизация этой функции есть распад, развал, упадочность. Общество и в частности государственная

власть вынуждены напрячь все свои силы, чтобы парализовать это в корне.

Обычно упадочность связывают с пессимизмом, когда он захватывает и увлекает общество. Конечно, пессимизм явление показательное и характерное. Раз люди приходят в уныние, падают духом, теряют веру в систему и строительство общества, в свои силы и силы общества, то распад общественных сил налицо. В зависимости от того, какие участки, в какой степени поражены пессимизмом, можно говорить о степени упадочности и о надвигающихся опасностях. Пессимизм может выразиться в самых различных формах: и в философском размышлении и в захватывающей песне, в злой критике и в полном равнодушии. Пессимизм — несомненный признак упадочности, но он не покрывает его. Он часть целого.

Главной и основной чертой упадочности в литературе следует считать, особенно в наших современных условиях, отход от общественности, а также служение напмановской, менцанской обывательщины.

Отход этот, как и пессимизм, может принять самые разнообразные формы.

Прежде всего, и для нас это самое опасное, яркая, сильная классовая точка зрения начинает уступать место тусклой, расплывчатой, так называемой общечеловеческой точке зрения, по существу дела архибуржуазной. Прежде времени стираются в обществе классовые перегородки, идет стремление примирить борьбу и оправдать это примирение общечеловеческими интересами. Фактически же для буржуазных элементов страны, это примерение — своего рода передышка, во время которой они организуют свои силы и, наступая на нас, тормозят наше новое строительство.

Индивидуализм мировоззрения и в быту и всякие философско-идеалистические настроения — также неизбежные спутники упадочности. Мы не говорим об открытом мистицизме и грубой религиозности. Всякий поворот в эту сторону в наше время расцвета материалистической философии и экспериментального знания — уже гибель. Этот поворот свидетельствует, что люди теряют веру в наличные силы общества и ищут защиты, спасения в потустороннем мире, в таинственных силах, в божестве.

Сексуализм, эротика, порнография всегда были и останутся признаком развала и упадочности литературы. Сюда же надо отнести и крайний, грубый натурализм в половых вопросах; он очень часто переходит у писателя в порнографию, особенно в наши дни. Самое перенесение общественного внимания на половую проблему и усиленное смакование и размазывание вопроса уже говорит о некоторой болезненности известной части нашего общества. Тема эта сейчас жгучая, острая, болезненная, — ответы даются самые разные, самые противоречивые. Литература же дает не столько разрешение вопроса, сколько создает разлагающее настроение.

Цинизм, о котором в свое время так сильно и страстно писал М. Горький, хулиганство, матерщина, каким бы плащом все это ни прикрывалось, какие бы теоретические оправдания ни приводились в защиту, говорят об упадке литературы, об утрате ею прежней высокой целомудренности, которая всегда так украшает общество и литературу. Мы, конечно, не говорим о менцанском целомудрии.

Волна менцанства и обывательщины — также вид упадка, и она опасна не менее, чем все прочее. Медленно, постепенно менцанство

так крепко захватывает человека и общество, что часто нужны особые, острые меры, чтобы встряхнуть и привести в сознание захлестнутых обывенщиной.

Все эти настроения в обществе и литературе всегда были и, конечно, долго еще будут. Вся суть в том, насколько они сильные, яркие и выразительные, кого они поражают и в какой степени. Если они гнездятся в уцелевших семьях представителей умирающего общества, беда не велика, но если зараза проникает в среду руководителей общества, в подрастающую смену — молодежь, комсомолство и пионерство, раны надо быстро прижигать, надо искать противоядие, изучая причины и условия явления.

Особо стоит вопрос о литературе, которую выделяет, оформляет и организует новая нарождающаяся буржуазия, нэп. Если эта литература идет из глубин нэпманства и только в нем отлагается, об упадочности говорить как будто бы не приходится. Эта литература, конечно, глубоко враждебна нам, с ней диктатура пролетариата борется всеми имеющимися средствами, но она не упадочна для того общественного слоя, интересы которого она выражает, и, наоборот, может носить и уже носит откровенно и заодно боевой характер. Иначе не может быть. Но если интересам буржуазных слоев общества будет служить литература, оформляющаяся в рядах пролетариата, крестьянства, интеллигенции, она будет глубоко упадочной, несмотря на мажорный тон, поскольку все интересы указанных групп лежат в развитии революции, а не в ее ущербе.

Есть ли у нас в литературе указанные настроения и явления? Есть. Этого никто не отрицает, скорее все преувеличивают. Всем знакома литературная группа «Перевал», кстати, напоминающая Ноев ковчег в котором было семь пар чистых и семь пар нечистых. Часть ее членов числится по разряду пролетарских писателей, есть среди них даже и коммунисты. Все мы на страницах «Правды», центрального органа коммунистической партии, читали об упадочном характере их творческой группы. Дружинина в своих «Злых заметках» жестоко отхлестал тов. Н. Бухарин за «шовинистическое свинство», за «юрдствующую идеологию». Когда-то тов. А. Воронский много нянчился с «перевальцами», возлагал на них большие надежды, а они не только никуда не перевалили, а начинают уже сваливаться. Он разочаровался в них, указывая, что Барсуков и Губер беззубо шамкают на советскую действительность, злостно ее кричат, но сами никаких путей не указывают, не видят их. «Мавритания» давно получила резко отрицательную оценку. Возмущение некоторых доходит до того, что они готовы назвать эту вещь контрреволюционной, пасквилем. Ничем не лучше и «Шарашкина квартира». Разлагающая литература. Коммунист Зарудин ударяется в национализм и, кажется, готов Пушкина заменить другим «национальным поэтом» — Есениным. Упадочные ноты звучат у Голлодного. Фильмированные изделия Пришвина — забава, никакого общественного значения «Юность Алпатова», конечно, не имеет. В начале этого года в Вологде был съезд писателей «перевальцев». Присутствовал на нем тов. А. Воронский. Так он за голову хватался от упадочных настроений, жутких, мрачных, угрожающе определенных. В его редакционном портфеле, конечно, не мало произведений с чеховским настроением, и он сидит над ними в большом размышлении. Во что выльется это явление, неизвестно, но к опасности надо готовиться. В таком настроении молодые пи-

сатели. Всех их затмил, естественно, Есенин. Только что вышел в издании Госиздата IV том его сочинений, незаслуженно роскошно изданный в десяти тысячах, полуакадемического типа. Читаем в нем строки: «Нет, не могу я стремиться в вечную стгнившую даль... Если и есть что на свете, — это одна пустота... Рано ли, поздно всажу я в ребра холодную сталь». Куда идти дальше? Когда талант уходит в хулиганство и крайний, мрачный пессимизм, неизвестно, что лучше: земное пьяное прозябание или небытие. Серьезные ноты антиобщественного пессимизма вы легко найдете у Кириллова, Герасимова, Александровского, Малашкина, особенно в повести «Больной человек», кончающейся самоубийством Андрея Завулонова. Никакая концовка, в роде имеющейся: «А в этот день по Кузнецкому Мосту и по другим улицам к мавзолею Ленина проходили миллионные колонны рабочих и крестьян», не может поправить дело. Устремленность к постановке проблем смерти и сумасшествия и болезненная разработка их говорят уже о надрыве, об утере вкуса жизни, которая в наши дни так мажиг, так зовет, так обольщает, что бывает стыдно, когда забываешь павших в великом строительстве. Упрекаешь себя в эгоизме, черствости, когда не замечаешь смерти близких, упрекаешь себя в неразумности, когда работаешь, не считаясь с силами организма и приближающейся смертью. Многим из теперешних виднейших деятелей осталось жить 10—15 лет, не больше, а они полны радости и напряжения сил. А рядом слюнявые разговоры о смерти. К черту все это болезненное творчество! Радостью мы хотим укрепить наши силы; печаль о невыполненных задачах, о потерях так же не смутит нас, скорее поднимет энергию, как и всякая добрая критика. И смерть, когда износится организм, спокойно примем мы.

О строго выдержанном классовом характере нашей литературы говорить, естественно, не приходится. Срывы и грубые ошибки есть даже у пролетарских поэтов. Встречаются они у Светлова, Уткина и других. Эти писатели выправятся. Это их ошибки. В общем они стоят на пролетарской точке зрения. Не о них мы думаем говорить. Мы имеем в виду литературу попутчиков и писателей, стоящих правее, их и прямо враждебных современности. Много разговоров вызывает, например, книга «Тайное тайных» Вс. Иванова. Для автора было бы лучше, если бы эта книга не появлялась в свет. По поводу ее тов. А. Воронский заговорил о философском подходе Иванова к поставленным проблемам. Может быть подход действительно философский, но не верный и в той постановке, которую взял писатель, чуждый современности. Центр тяжести от классовой борьбы, которая потрясает сейчас весь земной шар, так как капиталистическое общество приближается к своему исторически неизбежному краху, писатель перенес на проблему трагедии «между творческим началом человека и косной, огромной, космической, неорганизованной, слепой стихией жизни». Конечно, писатель выхода не нашел и всю книгу окрасил своей безысходной тоской. Наполнил ее смертью, изломами жизни и человека. Прошло десять лет революции, а Иванов «все-таки недалеко ушел со своей тоской». Начал он свою литературную деятельность блестяще. В «Бронепоезде», «Партизанах» и других вещах он показал революционную крестьянскую стихию, красное партизанство, и были все основания надеяться, что автор будет все более и более приближаться к пролетарской классовой позиции. Оказалось, к сожалению, иное. Свою мысль из области классовой борьбы, как будто в ней нет ягучего, захватывающего материала, Иванов перенес в об-

ласть космической борьбы и погибает со своей тоской, — «сушит и без того сухие губы». Надо припасть к живому источнику жизни, к революции, к рабочему классу. И тогда сердце писателя снова охватит творческий жар, воодушевление, засветит снова яркое солнце и придет весенняя радость, сильная, поднимающая. Надо приблизиться к творящему жизнь классу, — из сухих глаз брызнут слезы встречи, «ветер пустыни», сметающий дороги в Сибири и Петербурге, перестанет дуть. Рассеется мгла, прояснится взор и видны будут исторические дороги человечества, крутые, тернистые, со следами человеческой крови и великих страданий, но солнечные, ведущие в прекрасное грядущее, в котором человечество заживет новой радостью. Надо быть философом, марксистом, материалистом, жить в кипящем море классовых боев, а не думать о начале всех начал и с тоскою отыскивать конец кольца. Жизнь пробежит мимо. Подмена конкретных проблем нашего времени всякого рода космическими вопросами — уход от жизни, распад, упадок. Это обрекает писателя на тоску, отвлекает внимание общества от жизненных задач, распыляет общественную энергию. Отрыв от социальной среды сильно портит некоторые произведения К. Федина, он искажает положение вещей и исторические перспективы.

Всего ярче и опаснее «общечеловеческая», точнее — сменовеховская, точка зрения выявилась у Булгакова в «Белой гвардии», названной на сцене «Дни Турбиных». Автор вытравил, скрыл классовое существо семейства Турбиных, не вскрыл всей их ненависти к революции, а что показал, то прикрыл вуалью исторической неизбежности. Зато как по-человечески он показал их. Какие они доблестные, благородные герои. Какие возвышенные чувства управляют их поступками, волнуют их и заставляют страдать. Какая нравственная чуткость в каждом из них. Ну, разве можно их ставить в один ряд с «железным потоком» революции, скажут классовые противники революции. Мы ни в коей мере не думаем, что белая гвардия состояла целиком из авантюристов, бесчестных людей. Не призываем мы и изображать их такими. Мы только подчеркиваем, что «общечеловеческая» точка зрения, игра на человечности, ведет к примирению с врагом. Героическая смерть Турбина при защите училища, трагические сцены в связи с этим дома вызывают в зрителе чувство сострадания, жалости, примирения, а это в свою очередь ведет к ослаблению, смягчению классовой борьбы. Этого не должно быть, если мы держим курс на мировую пролетарскую революцию. Это — роскошь в наши дни. Мы не теоретики зверств и жестокостей, но они неизбежны в ближайшие годы. Смотрите, что делают «благородные» английские лорды в Китае. Надо готовить себя к суровым, кровавым дням, а не к овечьему беззлобию. Пропадешь с ним. Если за шесть случайно убитых иностранцев громят целый город восставшего народа, время ли разводить сентименты? Надо быть стальным, надо уметь быть жестоким в поисках человеческого счастья, беспощадным к классовому врагу, иначе он слизнет тебя живьем. Поэтому глубоко права та критика, которая выискивает эти «общечеловеческие» настроения у пролетарских писателей, стараясь направить их в русло четкой классовой психологии. Как бы преждевременно не завязнуть в «общечеловеческом» болоте! Это «общечеловеческое» ведет к тому, что революционер, коммунист, очищенный писателем от классовой своей сущности, становится обычным человеком, и остается от него только обиденщина, мелкие страсти и падения. Его превра-

щают в обывателя. Не то скверно, что его рисуют обычным человеком, а то, что его лишают самого главного—революционного устремления. Этим хотят оправдать философию: что вы там рассуждаете, посмотрите, что из себя представляют коммунисты. Если они такие грешные обыватели, то нам, настоящим, признанным обывателям, нечего смущаться, нечего стыдиться за свою жизнь и притворяться лучшими. Это—философия оправдания обывателя. Скверная, опасная философия, упадочная. Зато какой-нибудь белогвардеец или просто обыватель, пострадавший от революции, выглядит с «общечеловеческой» точки зрения героем с глубокими нравственными страданиями и переживаниями. Коммунист превращается в обывателя, а обыватель приподнимается на некоторую высоту. Таковы итоги «общечеловеческого» направления в литературе.

Когда поднимается вопрос о мистицизме в литературе, то обычно под последним разумеют религиозное начало, грубое суеверие, наличие изысканных таинственных сил и т. п. Когда в «Чертуханском балакире» разгуливают лешие, домовые, очатские бесы, бесы-домоседы и прочая нечисть, когда эта нечисть живет своею жизнью и имеет свою силу в жизни человека, все в один голос кричат о грубой реакционной мистике, особенно, когда становится очевидным, что мирозерцание лешего Анютютика и мельника Спиридона родственны и даже совпадают. Проповедь мистического слияния с природой, признание «балакирей», «словогогонов», людей придурковатых, юродивых, которые не переводятся у нас с древних времен и без которых «жить гораздо скучнее», никого не могут ввести в соблазн. Клычков написал свой роман талантливо, но его мистицизм грубый, неприкрытый. Есть вещи тоньше, сложнее. Говоря о художниках-мистиках, Г. Плеханов писал: «Художник, сделавшийся мистиком, не пренебрегает идейным содержанием, а только придает ему своеобразный характер. Мистицизм — тоже идея, но только темная, бесформенная, как туман, находящаяся в смертельной борьбе с разумом». Мистики могут быть активны и могут очень даже реально выражать и отстаивать интересы командующих классов. С этой строго научной точки зрения мистики в литературе не мало, только она не так очевидна и ослепительна, как в романах С. Клыčkова. Сколько этой грубой и тонкой мистики в сочинениях А. Белого, который сейчас с большим интересом некоторыми слоями читается! Сколько этой мистики у Клюева, Чапыгина и других!

В свое время тов. Л. Троцкий по поводу космических тенденций указывал, что если они были терпимы в период бури и натиска, то в период конкретного социалистического строительства они становятся «смешными, нетерпимыми», становятся прикрытием «дезертирства от сложных для искусства дел земных в межзвездные пространства». Попытки этого «дезертирства» в настоящее время скажутся в другой крайности: брать героями для своих произведений пастухов, послушников, балакирей и трактовать их вне социальной среды. Это избавляет писателя от необходимости давать ясные ответы на запросы современности.

Нередки случаи, когда писатель уходит в индивидуализм. М. Горький писал: «Не «я», но «мы» — вот начало освобождения личности». А поэт Ковынев, рабфаковец, с «дракой в сердце», клеймит других, как «мертвых душ», и самодовольно заявляет:

Как хорошо, что я один такой,
Ни на кого на свете не похожий.

Наоборот, очень нехорошо поэту, рабфаковцу жить с такими индивидуалистическими настроениями. Надо полагать, что он не опысок умирающей буржуазии или эппманства.

Часто читатель уходит в психологический индивидуализм, в эротику, порнографию и т. п. Особенно сильны в нашей литературе эротика и порнография.

Сначала начали издавать Анри Ренье, интересного французского писателя, но с определенным уклоном, хотя и далеким от всякой порнографии и грубой эротики. Писатель тонкий и высококультурный. Это была предварительная работа по оформлению соответствующего настроения и внимания. Вопросы любви и даже «искусства любви» стали укрепляться в жизни и вытеснять воспоминания революционных битв. Затем ходко пошел Маргерит. Он тоже не порнограф, но его грубый натурализм, особенно грубо выглядывающий в русских переводах, был уже опасен. Роман «Моника Лербе» зачитывался до дыр. Пильняк выступил открытым порнографом и даже гордился этим. Так докатились до рекомендаций М. Горьким Советской России нашумевших «Мошей» Калининкова. «Поджигателей» Крептюкова и других. Заторопились издать Овидия Назона «Искусство любви». Половая проблема стала в центре литературы. Особенно постарались, скверно постарались, П. Романов со своей книжкой «Вопросы пола» и рассказами «Без черемухи», «Суд над пионерами», Л. Гумилевский со своим романом «Собачий переулочек» и, наконец, Малашкин со своей пресловутой «Луной с правой стороны». Тут элементы эротики, порнографии, сексуализма вставлены в социальную рамку клеветы на современную молодежь, которая, ошеломленная таким напором литературы, признала было себя виноватой, признала было случайное в своей жизни за органическую социальную болезнь. Теперь молодежь приходит в себя от оглушительного удара, защищается и начинает понимать абсурдную постановку вопроса. Переиздали «Мелкого беса» Сологуба. Поскольку в социально-здоровых элементах страны поднялась волна протеста против порнографической и половой литературы, вместо Ренье начинают выпускать, опять рекомендуемого М. Горьким, Ст. Цвейга, писателя интересного, культурного, но внимание которого сосредоточено на вопросах любви. Любовь же трактуется им, как рекламирует писателя издательство, следующим образом: «Как никто другой, Цвейг умеет проникать в душу людей и в душу явлений, умеет нащупывать там уродства... У Цвейга любовь—либо мелкая похоть, либо патология, безумие, извращение». Вот куда тянут общественное внимание. М. Горький в 1921 году пробовал издавать древние индийские сказки. Пришлось показать их Владимиру Ильичу. Между ними произошел разговор:

— По-моему, — сказал В. И., — это преждевременно.
Горький ответил:

— Это очень хорошие сказки.

Владимир Ильич заметил:

— На это тратятся деньги.

Горький возразил Владимиру Ильичу:

— Это же очень дешево.

— Да, но зато мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

(А. Воронский. «Из прошлого». «Прожектор» № 6. 1927).

Этот поучительный разговор, несколько перефразированный, — достойный ответ всем, отвлекающим общество от строительства социализма в область больной сексуальности и порнографии.

Есть общественные группы и одиночки, которые, устав от революции, предпочитают ковыряться в половых вопросах, жить эротикой и изучать «искусство любви» вместо того, чтобы заниматься делом, строительством жизни. В жизнь вошла опаснейшая отравка, и с ней надо бороться самым беспощадным образом. Половую проблему задел и Огнев в своем «Дневнике Кости Рябцева», но задел целомудренно и интересно. Пора поставить баррикаду перед теми, кто идет с проповедью, что отстали и превратились в ископаемых те люди, которые не имеют двух-трех жен. Особенную активность должна проявить сама молодежь, так как в первую голову отравляют ее.

Есть в нашей литературе струя цинизма, оправдание мещанства и обывательщины. Сначала — маленькая справка. Вот что по этому поводу писал М. Горький в сборнике «Литературный распад». Статья называется «О цинизме», написана она в 1908 году, но полностью сохраняет силу до сегодня. «Рабы перерождаются в людей — вот новый смысл жизни. И потому владыки должны исчезнуть, ибо владыка только поразит раба... Герой, являясь на страницах романа, более или менее остроумно доказывает свое право быть тем, чем он есть, совершает ряд подвигов ради самоосвобождения из плена социальных чувств и мыслей... Цинизм прикрывается свободой, исканием полной свободы, — это наиболее подлая маска его... Ищу последней свободы, — торжественно заявляет он, проповедуя и практикуя однополую любовь... Мера жизни — красота, — возглашает циник чужие слова, глубокий смысл которых враждебен цинизму... Современный цинизм одевается разнообразно, всего грубее и наименее умно — в черный плащ пессимизма... Так или иначе, однако, циники, разлагаясь, заметно портят воздух, и как скажешь, что в этой работе нет смутного желания оправдать победителя, привив ему все болезни своей души и тела». Кто сможет сказать, что эта характеристика мещанства и цинизма утратила силу в наши дни? Возьмите «Жанну Нэй» И. Эренбурга, — это незамаскированная, вызывающая попытка огрести мещанство и угодить ему. В этой вещи вы все найдете: большие социальные проблемы отсутствуют, но зато есть грошовая философия нашего современного мещанства, всепобеждающая половая любовь и любимый обывателем мелодрамализм. Элементы этого, сдобренные еще кое-чем, есть и в «Рваче». Сюда же надо отнести «Черныша» Столицкого. Автор восстанавливает пошлый, нудный мещанский быт в разрушенных революцией обывательских утолках, с любованием показывает участников гражданской войны, опустившихся в вонючее болото мещанства. Изрядная доля мещанства имеется в писаниях А. Толстого. В ослабленном своем виде мещанство проглядывает у целого ряда писателей: у Шентели, Грузинова, Антокольского, даже у В. Казина в его «Лисей пубе» и у многих других.

Особо надо остановиться на литературе, которую принято характеризовать, как контрреволюционную, не в узко-актуально-политическом смысле, а в более широком, идеологическом понимании. К этой литературе прежде всего надо отнести произведения Замятина и Булгакова. Первый тверд и непоколебим в своем резко отрицательном отношении к революции с первых дней ее, когда он начал писать свои сказки. Второй оформляет художественно

сменовеховство. «Роковые яйца», «Дни Турбиных», особенно в первой редакции, заставили насторожиться к писателю. Но он не смутился выступлением прессы и на диспуте о своей пьесе выступал вызывающе, надменно. Эренбург в «Рваче» дает картину того, как хороший, активный коммунист, оформившийся в эпоху гражданской войны, с наступлением нэпа, под влиянием его, теряет в себе все героическое и погибает в тине обывательщины. Половая любовь разлагает его до последних пределов. Автор дает эту фигуру, как тип, и чтобы оправдать свое художественное обобщение социально и психологически, дает соответствующий фон: наш хозяйственный фронт захвачен нэпманами. Эту же тему в несколько ином разрезе дает А. Толстой в романе «Голубые пески». Дикая провинция, уездный город; всякая попытка революции освежить наше уездное, проникнуть туда и опрокинуть прежние устои беспомощна, она разбивается, как морской прибой о прибрежные скалы. Многое из этой литературы не печатается, а только читается и обсуждается на различных литературных собраниях. Эта литература рисует беспомощность пролетарской революции перед старым. Отсюда политический вывод: как бы ни старались большевики, как бы ни напрягали свои нечеловеческие силы, стихия прошлого, прочная, огромная, инертная, возьмет свое. Грузинов дружески укоряет Есенина за то, что он поверил в революцию и принял ее. Он пишет:

Под карнизами резные ставни,
На платках узор мордовкой вышит,
И хранят обычай стародавний
Кони деревянные на крыше.
Вот возки, покрытые рогожей,
Мужички на пегой и на карей.
Елки-палки! Да, ведь, это то же,
Что видал когда-то Оленин!
Лишь кой-где сквозь солнечное сито
Дым от поезда колечком голубым.
Уж не зря ль ты выдумал, пиита,
Вудто б вадернута Россия на дыбы?

Это же тему берет Антокольский, трактуя ее в грузиновском духе и может быть даже хуже. Грузинов сомневается в том, что революция вздыбила необъятную Россию. Антокольский чувствует в мире революцию, но отводит ей весьма ограниченные, узкие пределы, в которых она, зажатая, беспомощная, и бьется. Он пишет в стихотворении «Нева»:

А буря пускай ее корчит
И жмется к высоким колоннам,
На этом и кончится творчество,
Бродящее в мире циклоном.

Подобных рассуждений можно привести из разных литературных произведений достаточное количество.

Коммунисты зачастую рвутся беспомощными, и настолько беспомощными перед наступающей стихией, что с них снимают штаны и секут. А кто сечет? Нэпманы. Общественный смысл ясен. Нэп убивает творческое напряжение пролетарской революции и духовно разлагает коммунистов.

Скучная, плохая мещанская приключенская литература А. Толстого, литература, интригующая обывателя закулисной и интимной жизнью дома Романовых, сатирическая литература, ко-

торая нередко граничит с выступлениями против революции, должна быть отнесена к той же упаднической категории, поскольку она представляет недоброкачественную пищу для современного обывателя и мещанина.

* * *

Данные настроения и тенденции в современной русской литературе имеют свои социальные причины, свою подпочву, откуда они своими разветвленными корнями черпают соки и приобретают определенную силу. Нужно произвести углубленный анализ нашей революционной общественности, чтобы показать, чем страшна она одним, непонятна другим, какими своими противоречиями и какой неслаженностью дает материал третьим. Этот анализ одновременно подскажет нам пути и средства, чтобы залечить появившуюся заразу.

Но об этом в другой раз.

0 порохе и энтузиазме

(Больные вопросы нашего литературного сегодня)

1. Человек в брезентовом пальто

Я познакомился с ним случайно в длинном и неприветливом коридоре одного из наших издательств. Несмотря на 20 градусов мороза, он был легкомысленно одет в коричневый брезентовый плащ и летние парусиновые туфли. Головной убор составляла легкая бу-мажная кепка, крепко стянутая гарусным шарфом.

Единственным багажом человека была толстая рукопись, пестрые листы которой торчали из оборванной папки. Мы разговорились, вот что я узнал:

Брезентовый плащ — первая гражданская одежда, попавшая на его плечи после краскомовской шинели. А эту шинель он проносил семь лет, он появлялся в ней и в тамбовских лесах, споря с антоновскими бандами, она бывала обрызгана хлопьями взмыленной пены неистового жеребца, пронесшегося до Перекопа, она узнала 40°-й мороз иркутских степей и широкие просторы Якутии. С 16 до 22 лет он метался из конца в конец Союза, был ранен десятком раз, получил контузии, лежал в психиатрической лечебнице и был демобилизован в чине командира батальона. И вот он, не думавший никогда о завтрашнем дне, о лице, о белье, о квартире, — он оказался лицом к лицу с той жизнью, за утверждение которой боролся. Он отдавал всего себя и получал все, что нужно было для поддержания своей жизни в те неистовые годы.

А из психиатрической лечебницы он вышел в новую жизнь, совсем не похожую на бешеный скак кавалерийского эскадрона, а мирно текущую по новым, непривычным нормам и законам, которые в первые дни жестоко и бездушно оказались обращены против него, против его брезентового пальто и бледного, измученного лица, и пустых карманов, и неумения работать по-новому. Таковы были эти непреложные каноны новой жизни, которые он устанавливал сам, «своею собственной рукой».

Понять и осознать — это было для него первым делом. Разочарование и голод, одиночество личное и общественное, равнодушная занятость людей новой эпохи постигли этого человека. Партийный билет оказался за порогом психиатрической лечебницы. Друзья разбрелись по одной шестой части земного шара, и где их сыщешь, и остались ли они друзьями...

И вот человеку стало некуда пойти. Рука, опиравшаяся все шесть лет сознательной жизни о сочувственную руку товарища, повисла в воздухе, человек, привыкший жить и бороться в коллективе, оказался один и ему некуда стало пойти. Так именно создается психология «подполья», сумеречное сознание, просыпающееся

только для сарказма, открытое лишь чувству горечи и пустоты, а порой и неврастенического озлобления.

И вот, в больничном халате новой эпохи — в брезентовом плаще — человек был оставлен на московской улице — болеть и выздоравливать.

Мой новый знакомый просто и равнодушно рассказывал мне о днях голода и звериной тоски. Потом я раскрыл картонную папку. Это были записки-роман о том, что видел, как жил и боролся этот юноша в годы своей сознательной жизни: курсы краскомов, верховая лошадь, ячейка и девушка, которую он покинул, чтобы сойтись с другой, ибо та, первая, осталась за 3 тысячи верст.

Так создается новый литературный жанр. Так создавал Фурманов своего «Чапаева», нанося торопливые строки в походную книжку, положенную на колено или на седло. Так, поспешно догоняя уходящие воспоминания, писал человек в брезентовом пальто. И вещь оказалась насыщена романтикой незабываемых героических лет, от нее пахло сбруей тачанки, подопревшей кошмой седла, порохом и энтузиазмом.

Эта вещь была напечатана. Человек в брезентовом пальто роздал половину денег в долг полужнакомым людям, купил новые сапоги (ботинки он не умел надевать) и понял, что он *нужен*, что еще можно жить. Но сидеть на месте он не мог.

— Чтобы писать, — говорил он, — нужно ощущать движение и пространство, нужно чувствовать жизнь и не прекращать борьбы за нее. А жить можно и нужно, и жить стало лучше.

И вот, «им овладело беспокойство, охота к перемене мест». И через год он явился ко мне мужественный и загорелый, без копейки денег, с новой вещью.

Так выздоровел этот человек. Так вернулся он к жизни и работе.

А затем появилась и *социальная целеустремленность*, которая еще не ощущалась в цитированных выше строках: в короткие промежутки между своими разъездами он сидит в редакции большой провинциальной газеты и пишет фельетоны и стихи, копается в актах ревизий РКИ, принимает жалобников и разоблачителей, и нет в редакции газетчика доступнее, азартнее и популярнее его.

2. Мир через мутные стекла

Жил я жил, как вошь в соломе,
А теперь — цветы.
Приходи — в могильном доме
Отдохнешь и ты...

Кто это пишет? Надсон, Чайльд-Гарольд? Пролетарский Ленинский? Откуда эта романтика, смерть и эта восторженная идеализация потусторонности, угасания?

Я ушел в кинь шири,
Там — иная леть.
Слишком слезно в этом мире,
Чтоб о нем жалеть...

Попробуем обратиться к более прозаическим документам.

Может быть, поэту свойственно даже и в минуту прощания с жизнью говорить стихами, ибо это наиболее привычная, органическая для него форма речи...

Мы располагаем интересным документом, принадлежащим перу одного из одаренных и очень молодых комсомольских поэтов. Написана статья со специальной целью: реабилитировать себя от обвинений в принадлежности к кружку, о котором ходили слухи, как о своеобразной «лиге самоубийц».

«...В марте месяце заключаю договор с издательством «Рабочий Пролетарий» на издание отдельной книгой повести. В договоре сказано: 75% гонорара автор получает при подписании и сдаче рукописи. Сдаю рукопись, подписываю договор, спрашиваю деньги. Завтра. И так завтра тянулось *три месяца*, до выхода книги. Остальные 25% еще сейчас не получены. А вы попробовали бы получить, что это за удовольствие. Голодный, озлобленный идешь в издательство, как нищий на бульвар, протягиваешь, руку: дайте хоть на обед. «Нет, и завтра не будет». Это хорошо? Это за твою трехмесячную работу. За 90 бессонных ночей!»

То, что издательство не платит писателю заработанные им деньги, это очень плохо, это, быть может, граничит с преступлением.

Ну, а если бы издательства выполняли свои обязательства и платили авторам? Не было бы это для автора письма лишь короткой отсрочкой неотвратимо наступающего голода, нищенского существования?

Какие творческие перспективы могут быть в обстановке, о которой сам писатель рассказывает так:

«...На трехаршинной площади нас ютилось четыре человека. Двое их жило на одну стипендию, а я с братишкой, находясь в годовом отпуске с рабфака Вхутемас, не получал госстипендии, *жил на одно стихотворение в месяц*, ибо стипендию прекратили выдавать со дня отпуска...»

Конечно, никаких. В этой выбокой экономике, в бюджете, построенном на занятии пятерок, неминуемо создается психология людей «подполья», человек до предела суживает свои культурные потребности, и мир воспринимается через желудок, и именно от этого органа зависит и творческая потенция, и идеологическая настроенность. Мир суживается до размеров 3-аршинной жилплощади, и через мутные стекла давно немьтого окна поэт смотрит на жизнь.

Но вместе с тем никак нельзя объяснять так называемые «упадочные» настроения в нашей пролетарской литературе исключительно проблемой авторского гонорара и размером жилплощади комсомольских общежитий.

Мы не являемся сторонниками такого метода «марксистского» анализа, который с прямолинейностью и несокрушимой твердостью телеграфного столба все выводит из пресловутого «экономического базиса». Мы решительно возражаем против попытки объяснить все настроения тов. Д. и его группы экономическим неблагополучием. Это пустяки, что комсомольский и пролетарский писатель вешается или «идеологически разлагается» под влиянием голода и нужды. Но... немножко больше зоркости к этой проблеме и — вы увидите, насколько серьезные последствия вытекают из этого момента.

3. Поэт, желудок и эпоха

Вы помните его, валохмаченного и небритого гения, в вытертой бархатной блузе с феноменальным бантом у воротника?

Вы помните знаменитую крылатку, своеобразную «прозодежду» людей, торгующих вдохновением?

Вы помните армию голодных обитателей монмартрских мансард—Беранже, Бодлера и других? Обитателей петербургских окраин, вечно обремененного долгами Достоевского, измученного заботами и посылающего рукописи в набор, не перечитывая их, ибо писатель «весь в авансах» и под воздействием кредиторов продает издателю свои планы и темы, назначая немислимо короткие сроки для их реализации. Вы помните голодного Некрасова, Никитина, десятки и сотни других, прошедших сквозь жизнь согнувшись, неся на сгорбленных спинах чудовищный груз забот, нужды и внутренних трагедий?

Быт подавляющего большинства писателей дореволюционной эпохи был *голодным* бытом, особенно в начале литературного пути, до получения ими известности, ведущей за собой большие гонорары. Всем известна история жизни М. Горького, весьма извинистым и нелегальным путем прошедшего от портовых ночлежек до виллы в Сорренто...

Это пустяки — столь распространенные в среде нашего писательского молодняка разговоры о том, что они, де, пишут хуже дореволюционных писателей лишь только потому, что у них нет в боковом кармане чеховой книжки и подмосковных имений с роскошными кабинетами.

Но в обостренном недовольстве пролетарского писателя своим материальным положением есть момент своеобразия, в громадной степени определяющего и *идеологическую* настроенность некоторой части пролетарских писателей.

Бродя по улицам больших городов, «профессионально» голодая, дореволюционный писатель получал от общей системы капиталистической экономики весьма определенные социальные внушения, которые при надлежащих классовых связях на языке художественной изобразительности оформлялись им в революционные или пропитанные социальной тенденцией произведения. Сознание художника и весь его организм чувствовал порочность существующей системы, физические и моральные страдания направляли его творчество в сторону гражданских тем, т.-е. попытки художественно осмыслить и анализировать общественные явления, грубо и тяжело давящие его и ему *враждебные*. Экономическое неблагополучие и социальные страдания трудовых масс — рабочего и крестьянина — давали такому писателю прочную идеологическую базу и соответствующее наполнение его произведений.

Но вот наши дни. Рабочий класс взял в свои руки судьбы мира и общественного переустройства. Он созидает новую жизнь, новые общественные отношения. Он отразил в открытом бою — винтовкой и пулеметом — покушения на революцию со стороны своих классовых врагов. Он строит социализм. Из армии, от станков и полевых просторов потянулись отряды молодых рабочих и крестьянских сынов к учебе и овладению культурой, к художественному творчеству. Пролетарский писатель пером и карандашом реализует своеобразный «социальный заказ». Он вглядывается в современность и пишет твердой рукой: «Революция продолжается». Он пропитан идеями интернациональной борьбы и своей современности.

А между тем профессия определяет необходимость *эмоционального* (такова природа художественного творчества) подхода к вещам и явлениям. А между тем... у нас продолжают существовать рыночные отношения, у нас — «нэп», театры и книги и хлеб — за деньги.

У нас частный капитал, у нас трудовой рынок, у нас «пяты» укладов в экономике страны. У нас многомиллионное крестьянство, у нас в модифицированной форме продолжается классовая борьба, — такова внешняя обстановка, сложная, во многом противоречивая обстановка эпохи переходного периода.

И вот писатель снова *голодает*. Он снова живет на «стихотворение в месяц». Он пишет стихи, хорошие стихи — их не печатают, ибо издательства являются *хозяйствующими* предприятиями и подчиняются закону рыночных отношений.

4. В Стране Советов в кабаках...

— Вот стихи. Прочли?

— Да. Не напечатаем.

— Почему, бездарны?

— Нет, прекрасные стихи.

— Контрреволюционны?

— Нет, хорошие, *наши* стихи.

— В чем же дело? Я писал их два года, писал честно, долго работал...

— Не можем, товарищ. Рынок не принимает такого количества стихов. Наш торговый отдел возражает. Я пробовал уговорить — не помогает...

— Что же мне делать, бросить писать?...

— Н-н-нет, зачем же, вы талантливы, ваши стихи...

— Но, ведь, их не печатают, они никому не нужны, поймите... Я голодаю. Что же делать?...

— Д-д-да... Положеньеице... Впрочем, простите, товарищ, меня ждут на заседание. Зайдите как-нибудь, поговорим...

И вот писатель в одиночестве. Ему *некуда пойти*. Он едва ли не в атмосфере моральной изоляции. Он чувствует свой *социальный паразитизм*, ибо кому это нужно — несколько тетрадей стихов и затрепанном портфеле, прижатом к тощему боку рукой с продраным локтем.

Нарушаются *социальные связи*. Пролетарский писатель, как член своего класса, чувствует, что эпоха принадлежит ему, что господствующий класс, строящий новую жизнь и определяющий общественные отношения, — *его класс*, а между тем, он обречен на своеобразный социальный «паразитизм», потому что продукт его труда не представляет в данный момент *рыночной* ценности. Материальная необеспеченность, вечная нуждаемость давит на него, и эти «внушения» уже в условиях революционной современности дают частую отрицательный эффект.

Вступают в конфликт два момента, два начала: 1) преодоление всех этих противоречий работой сознания, мозга и 2) эмоциональная непосредственность, которая является одним из основных рабочих инструментов писателя; бунт чувств, глухо протестующих и обращенных внутрь своего личного мира, отражающихся, как непосредственный рефлекс, в виде отрицания, скепсиса, того, что принято называть упадочным настроением.

Затем, дальше — необходимость «устраивать» свои литературные дела, закреплять выгодные связи и знакомства толкают молодого писателя к цеховому объединению, а таким образом и цеховой ремесленной ограниченности, к тому, что мы зовем «богемой».

И придя домой, пролетарский писатель пишет усталые и безнадежные строки:

В Стране Советов в кабаках
Живут рабочие поэты.

Или мечтает о героических годах военного коммунизма, идеализирует войну и партизанщину, забывая о ее вынужденном характере для пролетариата, живет романтикой продрозверстки.

Или, окончательно запутавшись в том, что «должно» и чего «не должно», уходит в иной, «лучший мир», без борьбы и противоречий, и зовет с собой других.

Жил я, жил, как вошь в соломе,
А теперь — цветы.
Приходи, в могильном доме
Отдохнешь и ты...

5. Улыбается ли жизнь

В самом деле, комсомольский поэт Д., живущий «на одно стихотворение в месяц», в уже цитированном письме «О литературной правде» пытается уже не на языке поэтических образов, а презренной и тяжелой прозой определить свое общественное «кредо».

— «Моя жизнь — жизнь класса, жизнь юности, борьбы, песен и победы, — уверяет он в первых строках письма. — Я видел жизнь, понимаю ее и знаю ей цену», — повторяет он в другом месте.

Но эти декларативные заявления сменяются несколько ниже следующим рассуждением:

«...Жизнь улыбается, — кричат поэты Иван Молчанов и М. Юрин в предисловии к коллективному сборнику стихов. Жизнь улыбается, — бросаем мы тем, кто не видит этой жизни, кто идет от жизни и борьбы к «больным песням», к мотивам «о смерти» и даже к... петле.

Жизнь улыбается. Кто не хочет видеть ее улыбок, пусть уходит, — коллективно выкрикивают два поэта.

Кто с ними согласен, что жизнь сегодняшнего дня, для литератора в частности, улыбается? Кто из вас представляет жизнь сегодняшнюю бульварной улыбающейся мещанкой?

Это — больная фантазия, это — свекольная политика поэтов, не перешагнувших вчерашнюю могилу, глядевших на завтрашнюю. Вы думаете, они не знают цену жизни? Знают, и знают хорошо. Но почему тогда они не говорят так, как они действительно ее видят? Зачем они искажают себя, искажают произведения, обманывают читателя? Вот в этом-то и загвоздка.

Я лично все, что испытал на своей шкуре, говорю, потому что иначе тебя не будут считать поэтом.

Нашей печати нужны свои придворные поэты, воспевающие одами Михаила Ивановича, Владимира Ильича, Льва Давыдовича, Анатолия Васильевича, завод, коммунизм, но не человека, с его хорошей и мертвецкой обстановкой. Современной печати (советской) нужна романтика сладкая, свекольная... но не реализм, с его иногда соленой и горькой «правдой жизни». Это ложь? Это моя выдумка? Нет...

Возьмите прочтите все произведения современных пролетписателей, и вы убедитесь. Вы скажете: да, это правда!..

Так пишет тов. Д., не замечая не только резкого разрыва и двух смежных абзацах своего письма, но и не замечая того, что

его тон — тон человека, враждебного пролетарской революции, человека, порвавшего все связи с классом и даже со... здравым смыслом.

Вряд ли нам нужно с ним полемизировать—до того нелепо и возмутительно то, что позволил себе написать потерявший обе ноги юноша. Но глубоко примечательна эта неврастеническая озлобленность, эта истерическая крайность и чудовищно клеветнический характер его оценок нашей литературной действительности.

— Нужно говорить о Ваппе, — пишет он.

Кто, как не Вапп, кричит: товарищи, начинающие писатели, рабкоры, селькоры, вступайте в наши ряды, организуйте кружки, вербуйте членов, пойте о заводах, коммунизме, революции и пр.

Крепче держите перо в мозолистой руке.

Будто дело идет о спасении революции.

И тысячи людей вступают в его ряды, организуют кружки, зажимают в кулак перо, и поют:

Заре вперед навстречу
Завод шуми, греми.
Штыками и картечью,
За коммунизм горят огни.

Вот они, стоящие в очереди у почтового ящика литжурналов и редакционных корзин. Вот они, порывающие с классом, стремящиеся в «Москву кабацкую»...

Конечно, в действительности именно тов. Д. порывает с классом и именно эти настроения и оценки являются личной характеристикой молодого поэта.

* *
*

Но вспомним человека в брезентовом плаще. Он выздоровел на живой работе, которая давала ему возможность ощутить конкретно и непосредственно свою социальную полезность и вылечила от тяжелого недуга, подобного прогрессивному параличу, медленно, но незаметно убивающему организм: от распада социальных связей, отрешенности от живой жизни и борьбы, разложения личности и классового самосознания.

Случаи самоубийства, наблюдавшиеся среди части молодых писателей, показывают трагический исход этой внутренней борьбы, неспособность осознать причину своего заболевания и найти способы лечения. Человек падает под непосильной ношей, которая тяготит его и кажется столь же неизлечимой, как горб на спине.

Я ослабел в борьбе с собой,
Среди мучительных усилий...
И чувства, наконец, вкусили
Какой-то сладостный обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце воет, будто ждет чего-то.
Не все ли кончено?..

(Лермонтов—«Маскарад»)

Да, все кончено, — отвечает себе поэт и... на другой день — пять строк петита в «Вечерней Москве», там, где сообщают о пожарах, грабежах и самоубийствах...

Но эти ушедшие — это единицы, наименее устойчивые, неприспособленные, с пониженным общим тоном жизни. Любопытно, между прочим, отметить, что, по свидетельству одного из известных врачей-психопатологов, исследование мозгов самоубийц показывало органические изменения в мозговой системе самоубийц, сложившиеся еще до самоубийства клинически.

Творческий путь молодого писателя в общей массе бывает иным. Большинство выживает физически и многие сохраняют и свою творческую потенцию и выпрямляют свое идейное, идеологическое лицо.

По каким же основным путям проходит творчество нашего молодого писателя?

6. Об Ольге Орг и Светозаре Октябре

Личная и художественная биография человека в брезентовом пальто является типичной для значительной части нашей писательской молодежи. Их личная жизнь и художественное творчество прошли через героический период нашей революции, когда личная жизнь посвящена непосредственной борьбе, а перо и художественное сознание — делу создания живого и непосредственного пафоса и героики переживаемых автором событий. Этот период революционной литературы, период «космических», «планетарных» настроений, естественно, вместе с ходом нашей революции сменился другой полосой. И в строительстве революции и в литературе настал *органический* период. Революция избрала «всерьез и надолго» пути практического завершения своих основных идей.

Нап. хозяйственное строительство, борьба за овладение «командными высотами» нашей революции стали новым этапом, новой эпохой революции. Необъятно велики стали задачи и художественной литературы революционной страны. Показ живых людей и подлинных человеческих отношений, обобщение и художественное отражение сложной социальной конструкции эпохи практического строительства социализма — вот какой «социальный заказ» дала нашей литературе пролетарская революция.

Новый этап революционного строительства таит в себе две основные опасности для революционного художника:

1. Механическое и чисто внешнее приспособление к новым задачам.

2. Долгий период тяжелых исканий, перестроения своей психики для органического осознания нового этапа революции, ее подлинной сущности, временная подмена широкой общественно-значимой продукции мелко-индивидуалистическими и импрессионистическими произведениями.

Первая опасность определялась уже давно. По редакциям наших журналов и издательств зашныряли С. Ауслендеры, Марки Крипички, Юри Слезкины, энергично и бойко продающие свой товар. «Ольги Орг» и «Женщины в лиловом», светские львицы, истекающие лирическим соком барышни срочно переделываются в Октябри и Нинелей, а гвардейские офицеры и мистико-анархические студенты — в Светозаров Октябревых и героических краскомов.

Все это закраивается опытной рукой, приметывается белой ниткой, одной краской — красной, конечно, — расписывается и небо, и забор, и вот густой и противной струей потек по литературному рынку поток бездарной и издевательски-наивной псевдо-революционной литературы. Можно смело сказать, что 50% изда-

ваемой нашими издательствами «беллетристики» представляют собой никчемную и бездарную продукцию приспособившихся литературных «Иван Ивановичей».

Они ходят по редакциям, стараясь эпатировать робеющих редакторов покровом своего пальто и принадлежащими прошлому полудзабытыми литературными именами и предлагают десятки тем. Они стараются «продаться» подороже, затем соглашаются на любой гонорар и, получив «социальный заказ» на повесть или роман, быстро и равнодушно выстукивают за пару недель на машинке все «произведение».

Так создаются «курганы» нашей революционной беллетристики, так живет и работает приспособившийся кадр ремесленников от литературы, творящих по принципу «чего изволите-с»...

Однако, творческий путь пролетарского писателя проходит иначе. Ничто не рождается сразу в «готовом» виде. И именно второй путь, т.е. не механического приспособления, а органического развития, характерен для молодого, только идущего в литературу пролетарского писателя. Это естественно и ничего «страшного» в этом нет.

Попробуем проследить его на одном примере.

7. Михаил Светлов в теплушке

Революция дала нам десятки, сотни поэтов. Это—в подавляющем большинстве талантливая молодежь, которую революция собрала, наскоро обучила и заставила петь и в стихах говорить о себе.

Их имена мы поминутно встречаем в журналах, газетах, сборниках. Некоторые уже попадают в хрестоматии, становясь своеобразными «классиками», мэтрами пролетарской, комсомольской поэзии. Посмотрите, как они современны. Как изощрено их политическое чутье, как послушно повинуются им рука, уверенным пером выводящая четкие звенящие строки о сегодняшнем, вчерашнем и завтрашнем.

Смело и уверенно, часто талантливо, выполняет наш поэтический молодежь своеобразный «социальный заказ», данный ему революцией.

Они, эти комсомольские поэты, очень похожи друг на друга—и общим кругом общественных интересов, и литературных тем, и формальной стороной своего творчества. Их голоса сливаются в один молодой, дружно звучащий хор.

Михаил Светлов стоит как-то особняком в нашей молодой литературе. У него нет нужной сегодняшнему дню чуткости к острым злободневным темам нашей революционной современности, этой публицистической изощренности, которая позволяет многим из наших поэтов и писателей выдвигаться, громко заявлять о себе и быть особенно заметными.

У Михаила Светлова свое лицо, особый голос и индивидуальность, которую вряд ли может дублировать кто-нибудь из его товарищей по молодой литературной карьере. Несколько книжек, появившихся за его подписью, обращают внимание каким-то особым кругом тем, особым мироощущением, настроением автора.

Светлов всегда рассказывает о себе, даже когда он рассказывает о другом. Его вени всегда автобиографичны, о ком бы он ни говорил. Наконец, его стихи полны своеобразного лиризма, подкупающей искренности и простоты, тем, что дается только глубочайшей подлинностью, органичностью творчества.

Вот он рассказывает о себе, о том, как он, еще «детством нездоров», стал солдатом революции. Биографию свою он излагает просто:

Мой отец родился от деда,
Деда прошлое родило...

Дальше детство ему «мнится комнаткой душной», где его «учили быть послушным и слишком громко не говорить».

И вот, рассказывает поэт:

...Однажды, уйдя из дому,
Я растаял в большой толпе,
И „Марсельезу“ незнакомую
Горячий голос мой зашел.

И дальше—другие песни и дела, другие, грозные, страшные и великолепные, дни борьбы за революцию. Поэт рассказывает о себе:

Я в гражданской войне нередко
Был веселым и лихим бойцом.

Мы ему верим, его революционному энтузиазму, своеобразной героике его поэзии. Этот революционный темперамент органически присущ Светлову, ибо он сумел его во всей яркости и напряженности донести до наших дней.

Было б радостью, было б любо
Дни, как пленников повести,
Или так, чтоб зубами схватить,
Или так, чтобы вышибло зубы..

— говорит он нашему сегодня, а так говорить может только человек, задыхающийся преданностью своему делу, готовностью за него погибнуть.

У поэта большая революционная закалка для его двадцати лет комсомольца. Он вырос и воспитался в теплушке тесной, он носил буденовку и сражался с махновцами, он по приказу революции расстреливал ее врагов.

Но Светлов скуп и неохотно рассказывает о днях борьбы. Это еще так живо, об этом еще так трудно говорить, чтобы стихи оказались сильней, убедительней, более впечатляющими, чем беспощадная и живая правда революционной лавы тех лет. Это еще не осознано, еще не улеглось, не отстоялось полностью в сознании, когда возможен эпос, а не бытовая лирика, когда писателю станет доступной некоторая объективизация впечатлений.

Перелистайте «Ночные встречи»¹ — и вам сразу бросится в глаза одна основная особенность: это—книга раздумий, это — борьба с самим собой, это—мучительный путь сквозь внутренний мир поэта к революционному сегодня.

* * *

Подобно человеку в брезентовом пальто, с историей которого мы познакомились в начале статьи, М. Светлов и многие другие от эпохи непосредственного революционного действия перешли к нашему сегодня. Так же, как и перед многими другими, перед ним

¹ М. Светлов.—«Ночные встречи». «Молодая Гвардия», 1927.

встала задача—органически, сознанием и чувством, вписаться в новую эпоху и стать ее поэтом.

Блажен и счастлив тот, кому этот сложный путь было дано проделать легким, энергичным шагом, с ясной улыбкой на устах. Мы должны понять и того, кто с мучительным трудом, окольными путями, оглядываясь на прошлое, ищет в нем ответа на сегодня.

И вот, Светлов вспоминает:

Я в гражданской войне нередко
Был веселым и лихим бойцом...
Но...

Да, да, третья строка начинается именно с этого предлога, и не ждите здесь дальше батальных сцен и исторической героики, ибо и поэт, и революция, и литература уже прошли через этот период.

...Но осталось у меня от предков
Узкое и скорбное лицо...

— продолжает поэт.

...И повсюду за мною следом
Мчит прошедшее, бьет крылом...
Мой отец родился от деда,
Деда прошлое родило...

А, ведь, известно, что всякий сын является сыном своего отца, хотя у М. Светлова—два отца, и каждый учит его по-своему:

...Детство мнится мне компактной душею.
Свет молитвенный ждет зари.
В этой комнатке
Меня учили быть послушным
И слишком громко не говорить...

Это один отец—старый многотумный местечковый еврей, о котором сам поэт рассказывает так:

Снова осень за окнами плачет,
Солнце спрятало от воды огонь...
Я тащил свою жизнь, как кляча,
А хотел—как хороший конь.

Ждал счастливого дня на свете,
Ждал так долго его,—и вот:
Не смеюся я, чтобы не заметили
Мой слюнявый беззубый рот.

Люди все хоть один день рады,
Хоть помаленьку... счастье всем.
Видно, радость забыла мой адрес.
А может не знала совсем.
Только сын у меня... Он—лучший,
Он задумчив, он пишет стихи,
Пусть напишет он, как я мучаюсь
За какие-то не свои грехи...

(„Песня отца“)

Другой отец—это наша счастливая и замечательная эпоха, революция, рабочий класс, с которым навсегда связал свою судьбу поэт. Но Светлов помнит, что «Марсельезу» незнакомую он впервые запел тем же самым горлом, из которого еще недавно вырывались печальные, унылые синагогальные напевы.

И вот результат лирических размышлений: цикл «Стихов о ребе», «Песня отца» и ряд других вещей, посвященных прошлому:

Слышу, бродят в голове моей
Прошлого неровные шаги...

Итак, мы уже видели, что поэт намеренно избрал тяжелый и трудный путь—через прошлое, через своеобразную романтику раннего детства, через остро-критическое осознание и органическое преодоление в себе того, чем наградило его прошлое, старая жизнь, когда он впервые вышел из «своей комнатки душиной» на широкий простор песен и борьбы.

...Помню, о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.
Старый ребе говорил о мире,
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.

Так разрушаются старые связи и создаются новые. Поэт чувствует, что не родился в свет в какой-то «огненной купели». Нет, ему

...Стоят только глаза закрыть,—
Образ деда всплывает древний.
(„Теплушка“)

И тогда поэт пишет о том, что

Тихо слушает седая синагога,
Как шагают по дорогам Октября.
„Стихи о ребе“

Но вот:

...Стоит только зрачки расширить,
И в расширенных—образ внука,
Над огнем, над машинной ширью
Он кнутом поднимает руку.
(„Теплушка“)

Готов сложный внутренний конфликт, когда в мучительных раздумьях человек вновь пробирается к нашим дням из мучительных снов и видений прошлого. В замечательном стихотворении «Теплушка» превосходно показана Светловым эта внутренняя борьба «с самим собой».

...Между внуком и между дедом,
Где-то между, не знаю где,
Я в разбитой теплушке еду,
Еду ночь

И еду день.
Потому я и редок смехом,
В том моя неизбывная мука,
Что от деда далеко отъезжал
И навряд ли доеду до внука.

Но становится теплушка доброй,
Но в груди моей радость иная,
Если деда звериный образ,
Если внука железный образ
Мне буденовка заслоняет.

Но в захлебывающейся песне
Задыхающихся колес
Научился я в теплушке тесной
Чувствовать свой высокий рост.

Понимаю—в чем мое дело,
Узнаю—куда я еду;
Пролегло мое длинное тело
Перешейком между дедом и внуком.

Так в 1923 году, когда отбушевал огонь гражданской войны, а поезда начали ходить по точным расписаниям, поэт снова садится в разбитую теплушку и «едет в ней ночь» и «едет день». И это — не бесполезная прогулка. Спотыкаясь и изнемогая, делая подножки ногой «другой ноге, идущей впереди», поэт продирается в будущее — уже навсегда. Старые корабли сожжены. Судьба пролетарского поэта — не судьба жены Лота: он не превратился в соляной столб. Он бесстрашно оглянулся на прошлое и увидел мир своего детства, свою старую родину в такой беспощадной ретроспекции, что ему осталось только один путь — вперед и выше.

Не даром первая серьезная книга стихов М. Светлова называется «Корни» — настолько органичны и художественно полновесны два десятка напечатанных там стихотворений.

8. Гражданская война в литературе

Монографический эскиз о М. Светлове, приведенный выше, имеет непосредственное отношение к нашей теме. Здесь мы переходим к заключительной части нашей статьи.

Это вопрос о нашей литературной общественности.

Растущая новая буржуазия — в городе и деревне — создает своих идеологических агентов, классовая борьба внутри нашей страны находит свое отражение и в художественной литературе. Уже давно начался процесс быстрой и решительной дифференциации художественных сил страны. Враждебные революции писатели, своей пуповиной связанные с разбитым и обанкротившимся классом буржуазии, переместили себя в привычную обстановку — эмигрировали, и переживают период морального и художественного вырождения. Новые писатели «попутчики», пришедшие к революции «со стороны», «присоединившиеся» к ней, берут от революции ее тематику, они спокойно-эпически наблюдают и ставят своей задачей «объективизацию впечатлений», разрешают в своих вечах в большей степени художественные, а не общественные и социалистические проблемы, или может быть, если не в силу классовой заинтересованности, то классовой обусловленности, оформляют на языке художественной изобразительности идеологию современного «пувориша», бизнесмена, затосковавшего по своему писателю и своей литературе.

В таких условиях была вполне естественна ставка на новые, возвращенные революцией и ею рожденные художественные силы. Задача создания нашей советской, революционной литературы стала огромной и актуальной общественной задачей. Этим объясняется большой успех наших литературных организаций и огромное внимание, проявленное нашей общественностью к их работе.

Задача собирания и воспитания молодых художественных сил стала огромной творческой задачей и в значительной степени должна была влиять на судьбы нашей литературы.

Возникли — «Вапш» с его многочисленными отделениями, «Молодая Гвардия», «Октябрь», «Перевал» и целый ряд других литера-

турно-общественных организаций. Широкой волной потек туда художественный молодежь—учиться и строить новую литературу.

На ряду с этим задача общественного и художественного воспитания наших писателей ложится также и на библиографические отделы наших газет и журналов. Роль критики—огромная и ответственная—в наши дни еще более усложняется и становится еще более значительной. Зоркость, осторожность и умеренность оценок, умение своевременно отметить и выдвинуть новый, идущий в литературу, талант, дружеская и нелицеприятная оценка ошибок и недостатков отдельного писателя, беспощадный отпор носителям явно враждебных нам идеологий, наконец, создание и оформление общественного мнения вокруг писательских групп и отдельных писательских имен,—вот основная задача нашей критики.

И нужно прямо заявить, что *здесь у нас не все благополучно*. Несмотря на резолюцию ЦК о политике партии в художественной литературе, у нас в подавляющем большинстве наших библиографических органов и отделов газет и журналов продолжает господствовать узко-сектантский, кружковый тон. Организации и группы продолжают обстреливать друг друга сорокапудовыми чеходами деклараций, платформ и манифестов. Дух взаимного подсиживания, неумеренного расхваливания товаров собственной литературной лавочки, бранчливые выкрики по адресу одних, огульное охаивание других продолжаются и по сей день.

Любопытно, что одна организация, как правило, *начисто* отрицает всякое значение другой, и над каждой из них вы увидите знаменательное: «Нигде кроме, как в Моссельпроме». «Только здесь, только у нас подлинная литература! Исключительно здесь—товар из первых рук, покупайте у нас!» — наперебой кричат глотками передовиц и деклараций организации и кружки. Бойкие рекламеры хватают за полы обалдевшего читателя, который не успел еще размежеваться по читательским «Валням» и «Перевалам», и подсовывают ему свой товар.

— Схоластики, сектанты, митингеры, — твердят по адресу валниовцев перевальцы.

— Ликвидаторы, перерожденцы, калитулянты, нанманструющие литераторы, — уверенным речитативом отпевают перевальцев «Валня».

— Нигде кроме, как в Моссельпроме! Литература мастеров только здесь, только у нас! — обваливает в трубку радио-микрофона грохочущие форс-мажоры левовский дядька.

— Валня точка зрения, дорогой товарищ, такая маленькая вещь, что на нее даже плюнуть невозможно...

— Вални писательские круги—это крути по воде, — они исчезают раньше, чем появляются.

— Не смейте командовать армией пролетарских поэтов, вас никто не выбирал ее генералом!

— На что мне такая щуплая армия?!

— Успокойтесь, товарищи! Никакого содержания в литературе нет. Читатель, помни, что история литературы—не больше, чем эволюция жанров, приемов сюжетосложения и техники развертывания фабулы,—разглаживают предполагаемые академические бородки В. Шкловский и О. Брик.

— Ну, прекрасно, вы стоите «На посту», но где же это видно, чтобы человек, стоящий на посту, так много и охотно разговаривал? Это—во-первых. А, во-вторых, — разве мы чем-нибудь на-

рушили движение и порядок на литературной улице? — щуря близорукие глаза, недоумевающе спрашивают литераторы из ВСП.

— Скажите, почему меня зачислили в правые попутчики, когда я с 1905-го года сочувствую «На посту» и того... с этого же времени знаком лично с тов. Авербахом?.. — с театральной аффектацией изумляются авторы «Женщин в лиловом», радостно кладя на редакторский стол Светозара Октябрева, переделанного из той же дореволюционной «Женщины в лиловом».

Создаются и распадаются блоки, сегодняшние друзья завтра становятся врагами. В прочих фортах и крепостях литературных организаций появляются, неведомо откуда, троянские кони и наносят «удары» (литературные, а иногда и кулачные...) своим вчерашним союзникам.

Словом:

...смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой!..

А где же писатель? Где тот, за кого идет бой? Участвует ли также и он в «литературных садках»? Является ли также и для рядового писателя столь существенным—что именно и как напишет в ответ тов. X. из «Перевала», тов. Z из «Вапша»? Мешает ли скромная декларация одних товарищей творческой работе других? Итак, где же писатель?

Он в стороне от схватки. Он забыт в свирепой своре литературных теоретиков. В лучшем случае отдельные из молодых писателей служат мишенью неумеренных похвал, с одной стороны, и озлобленного разноса—с другой. Запутавшийся и издерганный, чувствуя себя зачастую орудием кружковой литературной политики, молодой писатель лишается необходимой творческой сосредоточенности. Его успехи тяготят его, ибо непомерно рекламируются группой, к которой он принадлежит. Его ошибки вдвое тяжелы для него, ибо подхватываются публицистами другой, конкурирующей, группы и обращаются в орудие полной дискредитации всех творческих достижений молодого писателя.

В результате растет смутное неудовлетворение всей нашей литературной общественностью, молодой писатель бродит из группы в группу, многие, махнув рукой, вовсе выходят из литературных организаций. М. Светлов, А. Веселый, Я. Голодный, ряд других талантливых и многообещающих поэтов и писателей, идущих в литературное будущее сложным и извилистым путем, в течение ряда лет являлись объектами кружковой, узко-сектантской критики. Молодое растение художественного дарования, перенесенное на новую почву новой эпохи, принимается с трудом, оно долго болеет, иногда проявляет признаки увядания, прежде чем приняться «корнями» и прорасти в новой питательной среде.

Мы видим, что растение это обрабатывается десятком садовников, при чем каждый предлагает свои химические растворы.

Поэт болен, он в состоянии раздумья, он ощущает на себе сложный комплекс влияний. Отдельные классы и промежуточные классовые группы зовут молодого поэта стать их выразителем. Поэт стоит на распутии. И у постели больного собираются званые и незваные гости, и начинается «разговор» друзей, врагов и просто наблюдателей:

— Помрет. Как пить дать, помрет! Смотрите, и говорить начал о смерти...

— Да что ты, милый, он уже, смотри, разлагаться начал. Запашок, запашок слышишь?

— Хоронить-то где же, на «сменовеховском» кладбище, что ли, будем?

— Ну, что ты, неудобно, коммунист, ведь, все-таки.

— Да какой он коммунист, раз в «Развале» состоит!

— Кто, Мишка-то в «Развале»? Да неужто? Ну да, тогда, значит, несомненный сменовеховец.

— Вот я и говорю!..

— Гляди, гляди на него, ну, прямо внутренний эмигрант...

Пара говорящих бегут в редакцию журнала и пишут *о живом человеке* литературный некролог. А больной встав с одра, спит не печатно выругаться.

Совершенно несомненно огромное литературное-общественное значение «Валпа» поднявшего ряд больших и острых вопросов литературной современности.

Несомненно, что и «Перевал» располагает рядом творческих сил, дающих положительную, нужную нам творческую продукцию.

Однако, мы уже отметили, что одна организация *начисто* отрицает всякое значение другой. Борьба на взаимное истребление между двумя группами революционных писателей (большинство из них—*комсомольцы и коммунисты*) идет как раз в тот момент, когда консолидируются силы наших врагов, когда наступление буржуазной идеологии идет развернутым фронтом.

Борьба против упадочности и проникновения буржуазной идеологии в литературу ведется у нас под знаком тенденциозной направленности и примитивных публицистически изобличений. А, ведь, у революционных писателей-коммунистов и идущих за ними левых попутчиков есть *общие задачи*, беспредельно большие, чем задачи кружковой борьбы! А, ведь, литературным организациям вверена задача воспитания молодых писательских кадров, дружеской помощи им и поддержки на тяжелом трудном пути органического вставания в литературу!

9. В ы в о д ы

Итак, читатель, проскучавши над двумя десятками страниц нашей статьи, в которой ему автором был предложен ряд наблюдений и соображений, связанных с большими явлениями нашей литературной современности, может спросить автора: а где же вывод? Что вы предлагаете?..

Давайте, читатель, *вместе* будем делать выводы. Мы отнюдь не намеревы рекомендовать какие-нибудь радикальные лекарства. Нужно сначала поставить *диагноз*. Моя статья—не больше, чем речь на консилиуме у постели больного. Определим раньше «что болит, где болит», а потом будем писать рецепты. Однако, из сказанного я все же позволю себе сделать следующий пробный «экстракт»:

1) Наш молодой писатель слишком рано стремится стать профессиональным писателем. Он скоро «исписывается» и блуждает в поисках тем. Литературный труд обрекает его на полуголодное существование, на быт «богемы», отрывая от живой практической работы и делая не то «представителем литературы при пролетариате», не то «представителем пролетариата при литературе». Отсутствие культуры и знаний, необходимых всякому писателю, обрекает его на кустарничество, ибо у него нет нужного инструментария. По-

этому: а) молодому писателю нужно помочь учиться—на рабфаке, в вузе, в литературных организациях, б) нужно дать ему живую практическую работу в газете, в журнале, в партийной и комсомольской ячейке, в лит. кружке, сов. учреждении, в) улучшить его бытовые условия, сделать постоянной материальную помощь.

2) Открыть больший доступ молодому писателю на страницы газет и журналов, в редакционные портфели издательств. Нужно напомнить последним, что они не только хозяйствующие организации, но и живые культурно-общественные органы партии и страны. Нужно потребовать более внимательного отношения к продукции молодого писателя и заставить издательства отказаться от исключительного курса на писателя с «именем», рентабельного автора «во что бы то ни стало». Благопреуспеванию сомнительного попутчика и пренебрежению к молодому писателю, а иногда и третированию его, должен быть положен в наших партийно-советских редакциях предел.

Нужно нечто в роде «брони» литературного «фабзавуча» для молодого писателя. Это поможет ему изжить в себе гнетущее сознание «социального паразитизма», на который он сейчас обречен, в громадной части, и поможет выдвижению ряда новых дарований.

3) Молодому писателю нужно помочь крепче связаться с хозяйственно-строительной работой страны, с советским строительством. Нужно «скупающий» писательский молодецк послать на окраину «за материалом и сюжетами», — то, что проделано было в 1925 году Ахром. Узбекистан и Дальний Восток, Донбасс и Карелия, Тана-Тувинская республика и подмосковная деревня, — вот маршруты молодому писателю, занимающемуся мелким бытовизмом и варьирующему без конца тему «о сентазе» и «проблемах пола». Нужно помочь писателю углубить и расширить свой жизненный опыт, зарядить его новым материалом, энтузиазмом строительных будней; помочь ему из разбитой теплушки 1920 г. пересестись в новый состав Семиреченской ж. д. 1928 г. Пересядет он сам, нужно ему только показать эту дорогу.

4) Оздоровить тон нашей критики, упорядочить и «осерьезить» постановку библиографических отделов наших журналов и газет, локализовать огонь гражданской войны в литературе между писателями-коммунистами и комсомольцами и шагающими в ногу с ними левыми попутчиками, заставить отказаться от оценки писателя по кружковому ярлыку. Нужно подумать об «оздоровлении» нравов наших литературных организаций и объединении против буржуазной литературы всех живых художественных сил нашей страны. При чем объединение это не должно ограничиться организационным «охватом» и кружковыми рамками. Почти ни одна из существующих писательских организаций этому требованию сейчас не удовлетворяет.

5) Пересмотреть работу, организационную и творческую практику наших литературных групп и кружков, в целях сближения их на общей творческой работе.

Таковы наши короткие предварительные выводы.

А теперь мы пригласили слушать читателя, писателя и критика.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Мих. ЕВДОКИМОВ

Заметки о комсомольских помпадурах

Даже в самой здоровой семье часто находятся уроды.

И в семье комсомольского актива — семье достаточно славной, сплоченной и деловой, воспитавшей и воспитывающей тысячи и десятки тысяч молодых ленинцев, находятся паршивые овцы, которые могут испортить и уже начинают портить все стадо...

Рядом с настоящими подлинными комсомольцами-активистами, делающими свое определенное, конкретное, полезное дело, растет то, что таскает пухлые, гравированные портфели, удостоверения и мандаты, значки и «прочие атрибуты коммунистической добродетели», то, из чего, по выражению т. Бухарина, будет расти порядочная сволочь. Эта та самая порядочная сволочь, по милости которой мы до сих пор стоим и долго еще будем стоять перед проблемой создания известной культурности, хотя бы минимальной культурности, не бюрократического отношения к людям, это та самая сволочь, которой тов. Бухарин советовал «ломать хребет» на каждом съезде комсомола.

«Иначе, — говорил он, — будет плохо с комсомольской организацией».

Повторяем, подчеркиваем, в этой статье мы будем говорить *не вообще* о комсомольском активе, который, как ни велики его недостатки и болезни, выше всякой критики, а об *отдельных* «паршивых овцах».

Мелкое, грубое склочничество, подсиживание, неуважение к человеку и работе, беспринципность и безидейность, угодничество и подхалимство, диктаторство и фельдфебельщина, — вот какую гнилую, ядовитую и зловонную заразу несут с собой комсомольские помпадуры.

И вот о них — эти беглые и злые заметки.

I. „Обмотка“, как она есть

Не так давно в «Правде» был напечатан фельетон тов. Сосновского «Человек или бумага». В этом фельетоне тов. Сосновский приводил чудовищные примеры нашего бюрократизма.

Мальчика решают обучать музыке. В музыкальном техникуме от его родителей требуют целую кучу удостоверений по самым мелким поводам (размеры квартирной платы, в какой группе учится мальчик и т. д.). Родители мальчика пробуют ответить на эти запросы устно, их и слушать не хотят.

— Дайте, говорят, бумагу с печатью. Так не верим.

«Да что же такое, в самом деле, — справедливо возмущается тов. Сосновский, — человеку нет веры ни на грош. Бумаге — полная вера».

В один прекрасный день случится такое. Придешь домой обедать, а жена тебе запрос делает:

— Ты нигде не обедал? А удостоверение имеешь от Наршита? Придешь в баню:

— Удостоверение от Наркомздрава имеете, что не были больны заразными болезнями? — и т. д.»

В этом фелъетоне просто, но ярко показано, как бюрократизм («бумага») проскальзывает в наш быт, в нашу работу, как «бумага» умаляет человека, принижает его, как велико у нас недоверие друг к другу.

Вопрос о доверии, о внимании, о дружбе, о чуткости друг к другу раньше всего и резче всего нужно поставить именно у нас в комсомоле.

«Беречь друг друга», «помогать друг другу», «верить друг другу» — как фальшиво, прозаически и менщански это звучит для кое-каких ушей.

Подобного рода призывы истолковываются иными, как пошлая христианская мораль, как поповская проповедь, иными — как политическая девственность и невежество.

Какая, мол, там дружба в политической организации? Комсомол — не секта баптистов, не общество квакеров.

Эти чудаки забывают, что комсомол является боевой организацией *живых людей* и, что особенно важно, *молодых людей*. Выражаясь словами Ильича, комсомол — организация кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. — Кипящей! Бурлящей! Ищущей!

Услужливые друзья эти представляют дело так, якобы в политической организации, скажем, в большевистской партии, дружба, в ее обычном житейском смысле слова, невозможна, не вяжется с принципами этой организации. Какой вздор! А разве не на внутренней идейной сплоченности, не на внутренней между собой спайке держалось и держится единство нашей партии?

Разве Ленин не учил *беречь* членов партии? Разве Ленин не учил нас «простым» человеческим отношениям?

Грубость и невнимательность, умаление и попираание личности, т. е. живого человека, смело шагают подчас и в комсомоле.

Приводим здесь случайно понапавшую нам короткую заметку в «Ленинградской Смене» одного красноармейца, члена ВЛКСМ.

«Идешь в строю, — пишет он, — размоталась у тебя обмотка. Редко, редко тебя предупредят. Чаще с хохотом стараются наступить на обмотку и посмотреть, как карабкается товарищ в строю».

Это небольшой пример, совсем небольшой, но яркий и символический.

Нередко у нас в комсомоле «наступают» вот так на «обмотку», наступают и хохочут. Одни «карабаются», а другие животы надрыгают со смеху.

На колбасном заводе Трудоюза в Ленинграде работал старый активный комсомолец Коля Степанов. Безобразные условия труда — сырость, щели в дверях, дым от печей — сломили Колю, и он заболел туберкулезом. Больного, харкающего кровью Колю «кстати» и сократили. Старуха-мать и маленький братишка, находившиеся у него на изживлении, умоляли администрацию и ячейку завода о помощи. Где там! Очень скоро Коля Степанов умер. Умер от туберкулеза, нажитого тут же на заводе. Ячейка устроила ему пышные похороны. Спрашивается, где была ячейка комсомола раньше? Почему она не позаботилась о помощи своему умирающему това-

рицу? Как она допустила его сокращение? Почему она не спасла Колю Степанова?

У Коли «размоталась обмотка», а товарищи из ячейки на нее наступали. Карабкался, карабкался Коля и умер. Как это просто! Как это буднично!

Или вот еще факт. Дело происходит на том же колбасном заводе. Работала там старая комсомолка Лебедева. Ее сократили. Позаботился ли кто-нибудь из ячейки устроить ее на работу? Нет. А она изо дня в день обивала пороги ячейки. Отказали ей в помощи. Сейчас Лебедева заболела туберкулезом и глухотой. И кто знает, какая судьба ждет ее впереди. Известно только, что сейчас, полуживая, она, обитженная и прибитая нечувствостью своих товарищей по работе, собирается выйти из рядов комсомола¹.

Это наиболее яркие, из ряда вон выходящие факты. А сколько простых, мелких, будничных фактов такого свинского, дикого, мерзкого обращения с людьми встречаешь ежедневно на фабрике, в ячейке, на собрании, в комитете союза!

Хуже всего, опаснее всего, что в союзе пытаются установить какое-то узаконенное отношение к комсомольцу — не как к живому человеку с плотью и кровью, с нервами и чувствами, а как к линейной арифметической единице, «индексу цен», «абзацу из резолюции по текущему моменту» (Бухарин).

Одним больше, одним меньше, — эка важность!

Строится целая «теория».

Историю делают массы, коллектив. Ты один, без массы, — песчинка, не имеющая никакого веса и цены.

Нет ничего более вредного, чем эта фельдфебельская теория. Историю делают, конечно, массы. Но массы «делаются» из *живых* людей. Каждая, даже самая маленькая частица массы есть ее *частица*. Без нее сама масса теряет и свой вес и свою цену.

«Все за одного, один за всех», — вот достойный комсомольца лозунг. Вот лозунг, с которым союз выступал против Колчака и Деникина, бандита и саботажника, сыпняка и голода.

Лозунг этот сейчас иногда забывается. Раньше лозунг этот подавался яркой, героической, баррикадной обстановкой. Сейчас работа не менее революционная, чем при военном коммунизме, но, так сказать, более медленная. И в этой работе есть время и возможность отойти от общественного, заняться собой, своим домишком, своей семейшкой. У некоторых, наиболее отсталых элементов, воскрешаются стремления к мещанской сытости и благополучию — сытости, оторванной от интересов и благополучия всего класса.

Старый большевистский лозунг должен быть первой заповедью комсомольского актива. У актива под ногами твердая и плодородная почва. Почва эта — живая общественная созная работа.

Между тем, разобщенность, отчужденность, личная, мелкая вражда среди комсомольского актива иногда бьют ключом не только в быту, но и в работе. Не только в работе, но и в быту. Эту мелкую, личную отчужденность история наделила своим особым традиционным именем:

— Склока!

¹ Мы не говорим уже о таком из ряда вон выходящем факте, как истязание комсомольца Вайраха. Ведь здесь комсомолец истязал комсомольца.

Одесские товарищи, правда, в свойственных им камаринских тонах, выразили эту мысль в своей поэме (!) «Склокиада».

О, склока! Ты нам папа, мама
И вместе с тем родная дочь.
В тебе — комедия и драма,
А без тебя — сплошная ночь.
Тобой одной мы все зачаты.
Мы все — зачавшие тебя,
И сил источник чуть початый
Мы льем в тебя, тебя любя (?).

Склока имеет свои масштабы, начиная от «международного» и кончая ячеековым. Это следует строго помнить, так как чем выше по масштабу склока, тем она вреднее и зловоннее. Подобно масштабам, склоки делятся на ряд типов. Так, бывают склоки: «идейные», «деловые», «личные».

Все эти три типа склок, конечно, очень условны, так как часто личные склоки превращаются вдруг в «деловые», а деловые, для лучшего веса, — в «идейные». Вообще же склоки вытекают из кровных, культурно-бытовых особенностей нашего актива. Ибо еще какой-то ученый сказал, что первое, что появляется на свет божий у нашего активиста, это — не глаза и не нос, и даже не ум, а именно склокообразный отросток.

Что же это за особенности?

Чтобы облегчить себе задачу их описания, призовем на помощь старика Щедрина, прекрасно знавшего наш комсомольский актив и посвятившего ему одно из лучших своих произведений: «Помпадуры и помпадуриши».

Щедрин установил ряд следующих особенностей помпадуrows:

- 1) Помпадуры ничем не занимаются, а *только руководят*.
- 2) Преимущественное назначение помпадуrows — *препятствовать*.
- 3) У помпадуrows есть фаталистическая склонность — *обратить мир в пустыню* — и совершенное непонимание тех последствий, которые может повлечь за собой подобное административное мероприятие.
- 4) В основании всех действий и помыслов помпадуrowsких лежит не жестокость, в собственном смысле этого слова, а *безграничное легкомыслие*.

Что наши помпадуры не бельмеса не смыслят в своей работе, что они не столько сами делают, сколько снисходительно похлопывают по плечу комсомольских лошадок, что они не столько практики, сколько «идейные руководители» и «гегемоны», — знает даже сам помпадур.

Что комсомольские помпадуры не могут позволить пить и веселиться, выбирать не тех, кого они хотят, а кого хотят другие, выдвигать деловые предложения ниже их стоящим, — тоже известно.

Что в своих желаниях и действиях комсомольские помпадуры неумолимы и грозны, твердокаменны и беспощадны, вплоть до самых суровых административно-политических мер, — тоже вряд ли надо доказывать. Достаточно не только заикнуться против их идей, но и просто-таки сделать недовольную мину, чтобы обрушить на себя громы и молнии их гнева.

Что, наконец, наши помпадуры не жестоки, а легкомысленны — это тоже факт.

«У нас доброе ли дело — случится, сделают тебе — и то сдуру, пакость — опять сдуру», — говаривал еще Глеб Успенский.

Благодаря этим *основным* особенностям некоторых активистов, т.е. благодаря комсомольским помпадурам, и появляются у нас в союзе склоки.

Известно, как гонятся у нас за авторитетом. Авторитет, имя для помпадуrows, такой же предмет первой необходимости, как, скажем, для культурного человека зубной порошок и щетка.

А кто знает, *как* покупается этот авторитет?

Ведь склока это и есть, собственно, борьба за авторитет, за имя в комсомоле¹. При чем эта борьба, склоки эти характерны полным несчитанием с массой, игнорированием ее, безответственностью перед ней. Люди идут решительно на всякие средства, чтобы добиться своего, впутывая в свои грязные делишки массу, прикрываясь ее именем, не давая ей рассуждать, заставляя ее только слепо повиноваться.

Авторитет и имя, к сожалению, иногда играют непропорционально большую роль в комсомоле. Увы, авторитет этот пока связывается с той или иной ответственной работой, с тем или иным чином.

Легко, умно, без принуждения
Он спросит, вежливость любя,
В каком высоком учреждении
Какая должность у тебя?

(Безыменский — „Миниатюры“).

Чем выше, ответственнее положение товарища в союзе, тем, стало быть, выше и его авторитет. Помимо всех благ, авторитетный товарищ получает легальное право ничем не заниматься, а только всем руководить. Поэтому, естественно, что склоки в союзе, в основном, вырастают именно на этой «авторитетной» почве, на стремлениях к ответственному, руководящему посту, т.е. на карьеризме.

Конечно, и здесь нельзя не оговориться, не всякий, стремящийся к живой, ответственной и руководящей работе: есть карьерист. Ведь среди комсомольского актива совсем не мало и подавляющее большинство таких, которые искренно и честно, из самых лучших побуждений и намерений рвутся не к чинам, а к живому, полезному и творческому делу. Смешно сказать, но по какой-то злой иронии таких-то именно безупречных активистов кое-кто выдает за склочников и карьеристов, отбывая у них всякую волю и охоту к творческой, созидательной работе в союзе.

И вот начинается погоня за чинами. Парень из губкома смотрит на цеклетское местечко, парень из ячейки — на райкомовское, райкомщик — на укомовское и т. д. «Бабка за дедку, дедка за репку». Так помпадуры создают своеобразную карьеристскую систему.

Подобная система создает и соответствующее отношение комсомольских помпадуrows к своей работе в комсомоле. Сам комсомол из коммунистической воспитательной организации превращается для них уже в учреждение, в *место службы*, а комсомольцы, строящие социализм, — в служащих и *чиновников*, низших и высших, с

¹ Не всегда, впрочем, склока — борьба за авторитет. Стыдно сказать, но иногда, например, предметом раздора в склоках служит ничего не стоящая какая-нибудь расфурфуренная, размалеванная и темпераментная помпадура. Но это — такая скользкая тема, что не лучше ли нам о ней умолчать вовсе?

большим окладом и меньшим, с привилегиями и без них. Таким образом, вся та величайшая работа, которую проводит комсомол под руководством партии, вся та роль, которая предназначена ему историей, помпадурами так безмерно опошляется, что забываются все его революционные принципы и перспективы.

II. Идейная чистота или молчаливство? Убеждение или принуждение?

Лакеи, временно, остающиеся без места, не перестают от этого быть ими. Лакейство у них в душе.

Г. Гейне

Скляки, сказали мы, чаще всего (чаще всего, но не всегда) рождаются на карьеристских стремлениях. Что это так, показывают хотя бы письма из деревни, где отмеченные нами стремления выступают в наиболее развязном, прозрачном виде.

Возьмем, опять-таки наугад, несколько документов. Вот перед нами письмо комсомольца-крестьянина Симоненко из села Благодарное, Сталинского округа.

«В нашей ячейке, — пишет он, — комсомольцы чуть ли не бьются друг с другом. И выходит все это потому, что в нашей ячейке одни комсомольцы вступили в комсомол, чтобы попасть куда-нибудь учиться, другие — попасть на должность, а третьи и отчета себе не отдадут, для чего они вступили в комсомол».

«В нашей ячейке есть комсомолец, имеющий трехлетний стаж, — пишет другой крестьянин, тов. Богословский, из села Терновки, Московского района, Ставропольского округа. Он вербовал товарищей в комсомол, хвалясь своим пятирублевым в месяц жалованьем. Парень вступил в наш союз. Но терпение этого парня не могло его задержать в союзе, и он скоро покинул ячейку, так как не получил возможности поступить дальше на жалованье».

«Середняки, которые вступают в комсомол в деревне, — пишет тов. Цунин из села Зимовка, Орловской губернии и уезда, — можно сказать с уверенностью, на 90% карьеристы. Они идут в комсомол с известной целью — получить портфель или попасть в школу».

Наконец, приведем отрывки из ставшего уже знаменитым письмом деревенского комсомольца Д. Яркина:

«Деревенский комсомол, я не ошибусь, если скажу, на 90% состоит из таких комсомольцев, которые пишутся туда только лишь прожить на легком хлебе, т.е. устроиться где-либо получше, а о стремлениях к социализму и в помине нет».

Наша Тимошевская сельячейка ВЛКСМ вся состоит из молодежи, протягивающей руки к портфелю. Обивают порог райпаркома, прося секретаря райкома КПВУ дать им должность. Как вывинулса в актив, так уж не сидится на месте, хочется, чтобы из села в район перебрасывали, там — в округ и дальше.

Я попал в какую-то грязь — кругом обман, лицемерие. Комсомольцы сверху прикрываются красивыми дельными словами, а присмотришься внимательно, разбери каждого — ужаснешься: никакой спайки, грызня друг с другом, делячество, просто хаос какой-то. Вот я теперь и думаю, что же нам здесь делать — середнякам: бросить хозяйство и тоже гнаться за портфелем? Ведь портфель куда лучше плуга».

Конечно, в этих письмах много преувеличенного, паникерского. Можно сказать, кроме того, что эти письма рисуют не карьеризм и склоку в деревенском комсомоле, а зависть деревни к городу, тягу молодежи из деревни. Все это так. Но почему все-таки комсомольцы тянутся к портфелю, почему комсомольцы бегут из деревни? Почему в комсомол деревенская молодежь вступает ради жалованья? Почему?

Потому, что вступление в комсомол, пребывание в нем, членский билет ВЛКСМ служит правом, патентом на известные привилегии. «Будучи комсомольцем, легче поступить на службу», «будучи комсомольцем, легче получить место в школе, вузе» и т. д. Такова психология обывателя, и она — эта психология, к несчастью, входит в права гражданства, так как комсомольцам *действительно* дают ряд привилегий, уступок, льгот, монополий.

Авторитет достается упорным трудом, показательным примером, инициативой, полезным делом. Часто, однако, все эти золотые качества остаются незамеченными, и такой старательный комсомолец-активист превращается в маленького, скромного, но верного Джимми Хиггинса, может быть, с небольшим именем, но зато чистым и незамазанным.

Помпадуры же наши, видящие в социалистическом строительстве место службы, помпадуры, которых Геине советовал бить палками *при жизни*, потому что после смерти их уже нельзя наказывать, нельзя срамить, позорить, клеймить их имя по той причине, что они *не оставляют* после себя никакого имени, — добиваются авторитета, конечно, не упорным трудом и полезным делом, а низкопоклонничеством, угодничеством и услужничеством.

Мне завещал отец,
Во-первых, угождать всем людям без изъятия:
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платье,
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

(Грибоедов—«Горе от ума»)

Эти проклятые добродетели дышат у нас полной грудью. Грубое и хамское заискивание перед «начальством», заискивание, не знающее никаких границ, вплоть до верноподданного натирания «наи-наивысочайшего» тела,—это типично-лакейское отношение к руководящим работникам союза цветет у нас пышным цветом. Я лично знал такого одного подхалима, который во всем, во всем, даже в пустяшных мелочах, угождал своему «начальству» до той поры, пока с этим последним не приключалось чего-нибудь ослабляющего его положение. Стоило этому случиться, как наш помпадур отворачивался от своего начальства, распространял о нем самые нелестные сплетни, справлялся об имени нового «начальника» и встречал этого последнего низкими поклонами и хлебом-солью. Когда же и с новым «начальником» приключалось что-либо неприятное, известный нам помпадур снова отворачивался, снова сплетничал—и так без конца.

Характерно, что и сам «начальник», и все окружающие отчетливым образом видели у него эту проклятую подхалимскую черту, ненавидели его за это, но все-таки делали вид, что ничего не замечают, общались с ним и чуть ли не дружили. Эти друзья всегда напоминали нам того англичанина, который, чтобы приту-

пить чувственные побуждения своей мисс, водил ее по тому берегу, где купаются мужчины.

А ведь и «начальник» и окружающие были высоко культурными, активными и ответственными товарищами. Они не понимали, что одним своим молчанием они как бы санкционировали то подхалимство, угодничество и просто подлость, на которые пускался вышеуказанный комсомольский помпадур.

Но ведь молчание в данном случае равносильно согласию. А согласиться с такой подлостью — значит убить все живое, критическое, думающее и творческое, что есть в союзе. А оно, это думающее и критическое, частенько-таки убивается. Потому что стоит только сказать что-либо непохожее на помпадурово, какое-нибудь одно новое, свежее, слово, как помпадур тотчас же повергнет вас в пепел. Так появляются Молчалины.

Безымянский сумел нарисовать тип этого модернизированного Молчалина.

Ко всем подходил он с поклоном,
При спорах, при битве идей
Воздерживался неуклонно,
Ссылаясь на тех, кто умней.

Или:

Когда не предвиделись прения,
Дабы не раздумывать зря,
Он раньше выспрашивал мнение
Секретаря.

(„Мпинатюры“)

Чем это не Молчалин? Тот также говорил, что он не смеет иметь своего собственного суждения. Помните этот замечательный диалог:

Молчалин. — Ведь надобно же зависеть от других.

Чацкий. — Зачем же надобно?

Молчалин. — В чинах мы небольших.

Щедрин в упомянутых нами «помпадурах и помпадуришах» рассказывал, как чрезвычайно вышитый помпадур «усмиряет» менее вышитого за то, что сей последний не поздравил первого с праздником. Часто и по такому, казалось бы недостойному, поводу наши активисты пускают в ход свои тяжелые орудия. Не так давно в одной ячейке комсомолец едва не был исключен из союза только за то, что видите ли, несколько неодобрительно отозвался о персоне секретаря своего губкома. Счастливчик отделался строгим выговором.

Такой простой вопрос: с кем общается активист. С рядовым комсомольцем? С низовым активистом? Редко — очень редко. Больше всего — с властью предрежащими, с «вышними». Разве уже одно это, одно то, что все свое время активист проводит не в массах, а среди верхушки союза, не таит в себе грозной опасности молчалинства?

Или другой вопрос: со всеми ли сомнениями и вопросами один комсомолец может обратиться к другому? Нет, далеко не со всеми. Иногда выслушают свой вопрос и, ничего не ответив и даже, собственно, не подумав, зачислят тебя в лагерь инакомыслящих, ликвидаторов, оппозиционеров и т. д.

Так из *материального*, вещественного, практического молчалинства в союзе рождается молчалинство *идейное*. Нередко, ведь, думают одно, а говорят совсем другое. Потому что на иного гово-

речь, ни молчать «нельзя», «опасно», «боязно», но... собака, на которую надевают намордник, лает своим задом. Окольный образ мыслей проявляется еще зловонней посредством фальши в выражении.

Когда Маркса спросили, какой из человеческих пороков он больше всего осуждает и ненавидит, он ответил: угодливость.

Нам, марксистам-ленинцам, не только в борьбе, но и в быту нужно объявить священную борьбу этому позорнейшему и гнуснейшему из человеческих — нет, не человеческих, а рабских — явлений.

Часто мы забываем очень важные замечания Ильича о молодежи. В своей заметке об «Интернационале Молодежи» он писал:

«Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи еще нет, а может быть и никогда не будет, именно потому, что это организация кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности *таких* людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся и должны относиться к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших «окистов», «сопреволюционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело — сбивающие пролетариат с толку *взрослые люди*, претендующие на то, чтобы вести и учить других; с ними нужна *беспокаянная* борьба. Другое дело — организация молодежи, которая открыто заявляет, что они еще *учатся*, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно, путем преимущественно *убеждения*, а не борьбы» (Ленин, том XIII, стр. 460).

Строки эти писались Ильичем в начале войны. С тех пор, конечно, многое изменилось. Почти 10 лет Октября. Почти 9 лет комсомола. Молодежь политически стала более зрелой. Требования к ней стали более повышенными. Но это, конечно, ни в какой мере не оспаривает того ильичевского положения, что к молодежи, к ее неясностям, сомнениям, ошибкам, нужно быть более чутким.

Где же в самом деле та чуткость и внимательность к «теоретической неясности», к ошибкам и ко всем действиям молодежи, о которых говорил Ильич?

Комсомол должен быть такой организацией, где тысячи и тысячи его членов могли бы не за страх, а за совесть вносить свое участие в дело строительства социализма: где бы каждое слово и каждый поступок и действие комсомольца были товарищески учтены, поняты, если нужно, одобрены, если нужно, отвергнуты или поправлены, но где бы, во всяком случае, комсомолец не боялся за свое слово, не клялся на каждом шагу коммунистическими утешениями, не пресмыкался перед своими помладше.

Комсомол должен быть такой организацией, где, с одной стороны, каждый его член пользовался бы полным доверием, уважением или по крайней мере, вниманием к себе, но где бы, с другой стороны, мелкие, личные беспринципные склоки не заслоняли от него общественного, коллективного, классового дела.

III. Три склочных кита

«Если вы не знаете, что такое выеденное яйцо, то я могу пояснить это примером. Предположим, в одном комсомольском комитете начались разногласия. Группа активистов утверждает, что в

виду объективных условий воспитательную работу надо *углублять*. Другая группа не согласна и говорит, что в виду объективных условий воспитательную работу надо *усугублять*. Обе эти группы вербуют сторонников и уличают друг друга в опасных уклонах и других смертных грехах. Страсти разгораются, разногласия ширятся и принимают форму общественного бедствия. Организация чувствует некоторую неловкость, в самом деле: прожили столько времени и даже не знали, что надо делать с воспитательной работой. С одной стороны, посмотришь — надо *углублять*. А с другой стороны — кажется, что *усугублять*.

Между тем дискуссия разгорается. Обе стороны божатся марксизмом и ленинизмом. Чтобы лучше уяснить суть вопроса, ораторы называют друг друга ослиами, чурбанами и уклонистами. С теоретических высот спор нисходит на личную почву.

Это — из превосходного фельетона «О склоках» т. Виктора Кина.

Как видно, склоки происходят не только из-за карьеризма, не только из-за того, что один активист хочет сбросить другого, сесть на его место.

Часто, очень часто склоки происходят из-за «углублять» или «усугублять». То-есть, как мы отметили выше, буквально из-за выеденного яйца.

Разногласия в таких случаях просто надумываются. Идейные уклоны и шатания — только ширма, только ярлык. На самом деле, склоки эти, наиболее распространенные в союзе, характерны именно своей беспринципностью, бездейностью, отсутствием сколько-нибудь ощутимого содержания.¹

Это не мешает склочникам вовлекать в свои мелочные драки сторонников из массы, впутывать в грязные истории партийные комитеты, напрасно сиющие примирить враждующие группы, прибегать к репрессивным мерам — вышибать друг другу зубы, строчить друг на друга заявления в контрольно-конфликтные органы и вышестоящие комсомольские инстанции.

Карьеризм и беспринципность — это, однако, не все, что порождает склоку. Есть еще один кит, — это администрирование, грубый зажим, запугивание и командование со стороны некоторой части нашего актива.

Можно совершенно не быть карьеристом, ханжой, подхалимом, можно быть очень глубоким человеком и дельным практическим работником и в то же время стать «склочником» только потому, что, скажем, секретарь Н губкома или укома, или райкома не убеждает вас, а принуждает, не советуется с вами, а приказывает вам, не помогает вам, а «препятствует», прибегая к тем самым административным мерам, о которых говорили мы выше устами Щелрина.

Часто такое администрирование, такое «жесткое руководство» заходит так далеко, что данный комитет делится уже на две или даже на три обособленных половины, которые неизбежно приходят в столкновения.

¹ Этим мы вовсе не хотим сказать, что все разногласия в союзе надумываются, что все они безидейны и беспринципны. Совсем наоборот. Серьезные, глубокие, принципиальные разногласия есть серьезные, глубокие, принципиальные разногласия, а не склоки. О них мы не говорим.

Как вредно лакейское отношение активиста к «начальству», так не менее вредно отношение «начальства» к активисту, как к лакею и прислужнику.

Нередко в губкоме услышишь такое обращение одного работника к другому:

— Эй, как тебя, налей мне чернил...

— Эй, сбегай-ка за папиросами...

Подобное, мягко выражаясь, свысока отношение к своему товарищу по работе способно либо вовсе убить в нем интерес к активной работе в комсомоле, либо толкнуть его на борьбу со своим помпадуром, на борьбу за нового, более серьезного, культурного и чуткого руководителя.

Таким образом, карьеризм, беспринципность и грубое администрирование—вот три кита, на которые опирается склока в комсомоле.

* * *

Вокруг склок, вокруг карьеризма, вокруг молчалинства и угодничества в среде комсомольского актива нужно создать строгое общественное мнение. Шкурники и болтуны, всезнайки и выскочки, блюдолизы и пресмыкающиеся, кумушки и интриганы не нужны союзу, тем более комсомольскому активу. Не нужны комсомолу и человеку в футлярах, бездушные и равнодушные чиновники. Не ради жалованья, не ради тепленького местечка и карьеры борется комсомолец-ленинец за социалистическое завтра, а ради интересов всего рабочего класса, всех трудящихся, всего угнетенного человечества.

Эту социалистическую перспективу комсомольский актив всегда имел, имеет и будет иметь всегда и всюду.

Тем же, которые не понимают и не способны понять всего величайшего значения нашей борьбы и наших задач, которые чужды им, тем, которые примазались к комсомольскому активу и медленно разлагают его изнутри ядом своего мелкого склонничества, беспринципности, лакейства. — им, комсомольским помпадурам, союз бросит гордые и непримиримые слова Тараса Бульбы:

— Я тебя породил, я тебя и убью!

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Работать по-новому!

ШТЕЙН, И. и ПОТАПОВ, Н. — «Все-союзная перекличка». Предисловие Д. Ханина. «Молодая Гвардия» 1927. Стр. 177. Ц. 1 р.

«Участие комсомола в строительстве социалистической промышленности и сельского хозяйства». Сборник Информационного п/о ЦК ВЛКСМ. «Молодая Гвардия». 1927.

Две небольшие трехзначные цифры внесены в официальные документы комсомола. Хотя обстановка этого «исторического акта» была совсем не торжественна и самый «акт» совершился под сухой и скучный треск арифмометров цехистского статподотдела, все же цифры эти очень знаменательны.

Арифметически они выглядят скромно: 11,4% и 10,1%.

Но в этих сухих и тонких цифирных палочках — богатейший смысл, крупнейшее политическое содержание, важнейший политический итог. Под покровом скромной внешности скрывается результат чудовищно большой работы. Это — ступок многообразнейших достижений упрямой комсомольской воли: на I/VII—25 г. текучесть состава ВЛКСМ за год составляла 11,4%. Через год (на I/VII—26 г.)—10,1%. Знаменательное здесь состоит в том, что состав союза, по сравнению с прошлыми годами, показывает гораздо большую устойчивость. Именно так эти две цифры выглядят политически.

Комсомольскому активисту доподлинно известно значение этой самой «текучести». Не менее известно ему и то обстоятельство, что одним из составных элементов «текучести» являлся добровольный выход молодежи из союза. В такой же степени ему известно и то, что эти добровольные выходы—печальное явление недавних переломных дней — явились результатом разрыва форм и содержания комсомольской работы с запросами широких масс рабоче-крестьянской молодежи.

— Случно в союзе! Желая настоящего дела, желая настоящей учебы, — говорили уходящие.

Кадры уходящих вырастали именно на той почве, которая была хорошо удобрена сухостью, казенщиной, пустой болтовней и шаблонностью в работе союза.

Прошлый год, началом которого явился XIV партс'езд и VII комсомольский с'езд, прошел под знаком выполнения решений этих с'ездов, под знаком налаживания «настоящей» учебы, «настоящего» дела, под знаком сжимания «комсомольских ножиц» и приведения всей системы комсомольской работы в соответствие с запросами масс молодежи, причисывания нашей работы под гребенку этого соответствия.

Этот прошедший год явился годом исканий новых форм и методов союзной работы. Но он был и годом применения новых форм, найденных и применяющихся во многих комсомольских организациях.

В результате, мы можем насчитать много достижений, премудростью статистиков уложенных в ужасно тоненькую цифру процентов снижения текучести наших рядов.

Но миллион раз прав тов. Чаплин, когда он в докладе ЦК на V всесоюзной конференции передал мнение ЦК о том, что опасно чрезмерно обольщаться достижениями, что, наряду с передовыми организациями нашего союза, широко применяющими новые формы работы, имеется еще многочисленная «комсомольская пехота» — наши нац. и крестьянские организации, в которых построение этих новых форм протекает более медленно.

Поэтому-то важен живейший обмен опытом различных организаций союза, важно быстрее просачивание во все поры нашей союзной организации всего нового, что мы уже сейчас имеем в работе.

С этой точки зрения рецензируемые сборники, зафиксировавшие в себе это, уже сейчас имеющееся, «новое», приобретают колоссальное значение.

Обе книжки, появившиеся на пороге второго года работы союза в новых условиях, довольно полно отразили в себе прошедший год. Опыт местных организаций — этот «хлеб насущный» наших дней — более или менее полно отложился на их страницах, что ставит сборники в ряд ценнейших для нас о актива книг.

«Всесоюзная перекличка» Штейна и Потاپова явилась в результате большой работы по выявлению опыта новых форм работы, которую проделала «Комсомольская Правда».

Она зафиксировала и обобщила большой материал, в разное время освещенный на страницах этой газеты. В этом отношении «Всесоюзная переключка» — первая попытка обобщения и использования газетного материала вообще. До сих пор иногда очень ценный материал, помещаемый газетами, рассеивался и растеривался, погибая вместе с газетными листами, живущими только один день.

С газетными листами погибал ценный опыт, погибали самые настоящие «документы эпохи». Поэтому их написание надо всячески приветствовать и старательно продолжать, поставив его в более широких размерах, используя всю, к настоящему времени широко развернувшуюся, комсомольскую газетную сеть.

Этого последнего, между прочим, не хватает во «Всесоюзной переключке», взявшей материал только из «Комсомольской Правды» (имеются также и выдержки из брошюры «Вместо конкретных разговоров о конкретности — к конкретному делу». Изд. Днепропетровского окружкома), но совершенно не использовавшей остальную печать. Но это «между прочим».

Книжка содержит в себе богатейший материал, который должен стать достоянием каждого нашего активиста.

Первая глава ее посвящена вопросам организационной работы. В эту главу вошел очень ценный опыт Днепропетровской организации, явившейся первым застрельщиком перестройки нашей работы согласно новым условиям. Этой организации принадлежит честь быть первой организацией, обьявившей свирепую войну «ее величеству фразе», губившей здоровые ростки практической работы, пустой болтовни, противопоставившей конкретные руководящие материалы, «где было указано, что нужно делать и как надо делать».

В эту главу вошел и интересный опыт оживления собраний и работы над повестками для различных наших организаций (Днепропетровская, Новогородская, Псковская и др. губ.). 90 страниц занимает важнейшая глава книги «Производственное воспитание молодежи», собравшая очень ценные материалы о борьбе союза за культуру труда молодежи (вечера труда, выставки, конкурсы на предприятиях), о методах работы по повышению квалификации молодежи (индивидуальное и бригадное ученичество и др.), о профтехобразовании (опыт вечерних рабочих школ, — в книжке дан подробный материал о ВРШ при заводе «Серп и Молот» в Москве, фабзавуч и производственно-технические кружки), о вовлечении молодежи в производственные совещания (опыт Москвы, Ленинграда

и Днепропетровска). Главу заключает материал о молодых изобретателях. Нужно отметить, что некоторые части этой главы проработаны весьма слабо. В частности, об использовании стенгазет в производственной жизни на предприятии дано слишком мало материала (описан опыт «Вагранки» на заводе «Красная Пресня» в Москве; на самом деле стенгазетный опыт гораздо шире и его нужно было бы использовать в полной мере).

Гораздо меньше места занимает в книжке третья глава «В борьбе за новую деревню», куда вошел материал организованного участия комсомольцев в поднятии сельского хозяйства (агро-пропаганда, совещания комсомольцев-домохозяев, конкурсы, выставки и т. п.).

Эта часть книжки, давшая очень ценный и необходимый материал сельскохозяйственной работы ячеек, очень слабо осветила опыт работы по кооперированию и совсем не осветила другие, не менее важные отрасли общественной работы деревенских ячеек (мелиорация, благоустройство, работа с бедной, культурная работа).

В этом ее недостаток.

Заканчивается книжка небольшой главой «Вопросы быта и культурного досуга». В эту главу вошел материал улучшенной работы секций рабочего клуба (кружки, конкурсы гармонистов и танцоров, клубные «затейники», производственные конкурсы в клубе), опыт ленинградских «ядер нового быта» и небольшой материал деревенского культурного досуга.

Сборник Информподотдела ЦК «Участие комсомола в строительстве социалистической промышленности и сельского хозяйства» также богат фактами союзной работы в новых условиях.

Несмотря на то, что он содержит в себе много фактов, хорошо описанных предыдущей книжкой «Всесоюзная переключка», он не дублирует ее, не повторяет.

В частности, вопросы участия деревенских ячеек комсомола в строительстве и кооперировании сельского хозяйства в этом сборнике лучше проработаны и снабжены более богатым материалом.

Оценивая сборник с этой точки зрения, приходится пожалеть, что сборник издан очень небольшим тиражом (1.600 экз.). Иметь его под руками было бы хорошо каждому нашему активисту.

Помимо производственных вопросов, сборник довольно подробно описывает формы борьбы за культурную деревню, широко применяемые нашими организациями, дает ряд ценнейших материалов о работе комсомольцев в своем

хозяйстве, о роли ячеек в землеустройстве деревни, о совместной работе с культурными силами деревни, о кооперировании и т. д.

Но имеются и недостатки. В разделе, поименованном: «Как комитеты союзов ставили вопрос об участии в сельском хозяйстве», имеется указание на то, что Смоленский губком провел широчайшую кампанию внимания трудящимся культурам, и только. А как проводилась кампания, как она проведена, какие конкретные цели были поставлены, — сборник по этому поводу хранит молчание.

На одной из страниц (63) имеется упоминание о *супражничестве*; участие ячеек в этом простейшем деревенском виде кооперирования сборником абсолютно не выяснено.

Увлекается сборник всяческими процентами. Такова уже привычка наших «казеников»: даже самую маленькую цифру делить на сногшибательные проценты. Например, на псковском совещании комсомольцев-льноводов присутствовало 16 комсомольцев, из них 56% бедняков, 44% середняков, 87% перешедших на улучшенные формы хозяйствования. Не проще ли было сказать, что присутствовало 9 бедняков и 6 середняков? А то, видите ли, — 56%! Авторам, может быть, незаметно, но,

ведь, скучно и противно читать, когда даже из 2 человек извлекают 50%.

Большую ошибку делает сборник, когда он, арифметически подсчитывая количество заметок по агропропаганде, помещенных в наших газетах, авторитетно заявляет, что «комсомольские газеты еще много говорят об агропропаганде, но недостаточно конкретно пишут, что сделать и как сделать». Согласиться с этим никак нельзя. Не нужно забывать, что большинство наших газет, обслуживающих крестьянскую молодежь, стоят во главе того или другого практического движения в пользу различных мероприятий в сельском хозяйстве.

В этом отношении газеты проводят большую работу, в чем легко убедиться, просмотрев их внимательно.

В заключение хочется указать на необходимость дальнейшего издания материалов работы союза в новых условиях.

Необходимость литературы этого рода — очевидна. Надо будет дать еще целый ряд книжек, постепенно собирающих в себя весь опыт союзной работы. Лучше всего давать книжечки по отдельным отраслям работы, не смешивая их в общую кучу в одной книжке. Это позволит более подробно и серьезно проработать опыт, да и читать удобнее.

Ари. Витч

«Чубаровщина» (по материалам судебного процесса) — Сборник под редакцией В. О. Врука, ст. пом. прокурора Ленинградской губ. ГИЗ. 1927 г. 94 стр. Ц. 50 к.

Книжка имеет целью вскрыть корни и сущность «чубаровщины», ставшей нарицательным именем для хулиганства, насильничества и бандитизма. К сожалению, все же сборник мало в этом помогает, он очень сух, отрывочен (мозаичен), многое оставляет не освещенным, как бы «в тени», многое обходит, по многу только скользит, не взрывая глубоко почвы. А жаль, ибо вопрос больной и громадной важности.

Чубаровское дело давно уже кончено. Суровый, но единственно правильный в наших условиях приговор, базировавшийся и на справедливом гневе, возмущении миллионной рабочей массы, произнесен. Но вопрос этим еще не разрешен. Корни чубаровщины окончательно не вырваны. Есть еще много молодых рабочих, различных социальных прослоек нашей молодежи, которой еще не ясны уроки этого тяжелого дела. Поэтому-то и надо отчекнуть красной метой всю социальную опасность чубаровщины.

Больше других это удастся сделать в книжке тов. Рафаилу, который в двух статьях вскрывает, в общих чертах, истинный смысл этого процесса.

В процессе социалистического строительства вопросы быта, построения нового быта, нового общественного уклада и борьбы за него являются первостепенными. Новый быт не приходит сам собой: он рождается в упорной борьбе, настойчивой и длительной. Чубаровцы, как раз поставили самое существование советского быта на острие ножа. И это отлично поняли рабочие массы, которые со всех концов СССР подняли голос протеста и возмущения против нападения чубаровщины на то, что является основным в новом советском быте: рабочую семью, на свободу женщины.

Чубаровский процесс снова напоминает о необходимости правильного воспитания молодежи, о самовоспитании ее, о прививке навыков внутренней дисциплины, о необходимости переключения половой энергии молодежи на мотор советской общественности.

«Наша молодежь должна объяснить поход, — пишет Рафаил, — против чубаровщины, хулиганства и *хулиганствующий*, против малых мешанских по-

плячков, прикрывающих половую распущенность революционными фразами, против гаденьких гнусавых пропойц, против пивного времяпрепровождения, против *полювого азарта* (хорошее слово! — Н.), против удалства ночных пооек.

Чубаровщина дает обильный материал сознательному читателю, чтобы задуматься над этим явлением, так как дело идет о нашей, рабочей, молодежи, о будущей смене. Нужна забота, первая забота о профилактике, предупредительных мерах против самой возможности заболевания нашей молодежи, мерах *дезинфицирующих*. Чубаровское дело из бытового превратилось в политическое, дело об изнасиловании силою вещей стало делом о *нападении* на самые устои советского общества.

Вот почему немного досадно, что рецензируемая книжка, составленная очевидно наспех, только *вечные* затрагивает, только *ставит* все эти вопросы, не отвечая на них, к тому же судебный

материал дан в извлечениях, выдержках, подчас неудачных, лишних, нехарактерных.

Интереснейшая часть: прения сторон — обвинения и защиты, реплики даны в таком неудачном изложении, что и на половину не вскрывают всей противоположности точек зрения защиты, стоявшей как раз на точке зрения *мещанско-бытовой*, и обвинения, стоявшего на точке зрения *государственно-политической*. И как раз вскрытие противоречий этих точек зрения для читателя было бы тем зеркалом, в котором он увидел бы истинное лицо и сущность *чубаровщины*.

Но уже одно намерение издать отдельной книжечкой эти материалы заслуживает поощрения, а книжка — рекомендации читателю.

К тому же книжка издана зрягиво, снабжена двумя снимками: группы подсудимых и суда. Но цене немного дороговато.

П. Николаев

«Спутник комсомольского экономрабочника». С предисловием и под редакцией Экономкомиссии ЦК ВЛКСМ. «Молодая Гвардия». 1927 г. 319 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Впервые на нашем книжном рынке появляется более или менее полный и сконцентрированный материал по одному из основных вопросов комсомольской работы — экономработы. Как и всякая справочная книга, «Спутник комсомольского экономрабочника» имел целью дать главное из того, что сказано и разработано союзом в этой области. Для многих тысяч комсомольских «накомтрудов» спутник должен явиться повседневным пособием, настольной книгой, помощником в работе.

Оправдал ли «спутник» свое назначение? Приходится констатировать, что нет. Те, кто разорится на 2 р. 75 к. и приобретет книгу, не получат того, что следует ожидать от справочной книги. Вместо действительного пособия, повседневного справочника в работе они получат груду почтенной давности, лишённых большого практического значения материалов, имеющих ныне преимущественно исторический интерес.

Вот уже целый год, как внимание союза приковано к вопросу о производственном воспитании всей массы рабочей молодежи, привлечения ее к активному строительству социалистической промышленности, к участию ее в рационализации последней. По этим вопросам происходили на местах и в Москве целый ряд совещаний, давших богатейший и интереснейший материал.

Однако, в «спутнике» мы не находим ни одной строчки об этом. Возьмем первую главу его, состоящую из статьи В. Рогова. Называется она «Экономическая работа фабзавъячейки». Казалось бы, что эта статья должна давать установку работе нашей ячейки в условиях напряженной борьбы за повышение производительности труда, за улучшение качества продукции и снижение себестоимости, за усовершенствование наших предприятий и т. п.

Между тем, глава представляет собой перепечатку старой брошюры т. Рогова на эту тему, написанной в 1924 году. Естественно, что брошюра, в свое время сыгравшая определенную роль в деле постановки нашей экономработы и воспитания новых кадров экономрабочников, теперь, в 1927 году, в совершенно изменившихся условиях, не может дать полностью ответа на вопрос: что должна сейчас делать комсомольская ячейка в области экономработы?

Остановимся на статье Г. Шварца: «Броня подростков в производстве». Представляя большой интерес, как исторический обзор вопроса о броне молодежи, излагающая причины, вызвавшие броню к жизни, и указывая на ее значение, статья вряд ли может представить сейчас ценность для практической работы, поскольку вопрос в ней рассматривается без учета тех изменений, которые неизбежно вносит в вопрос о броне проводимая ныне социалистическая рационализация.

Тем же недостатком страдает и статья В. Вулаха — «Тариф рабочей молодежи». И здесь упор взят главным образом

на историю. Обойдены молчаньем решения VII съезда профсоюзов о тарифной реформе, ни слова не сказано о линии нашего союза по отношению к ней.

Статьи т.т. С. Канлуна и С. Розовского хотя и представляют собой интерес, как руководящий материал по вопросам охраны труда подростков и участия комсомола в социальном страховании, но низовой экономработник, желающий получить точные и подробные указания для своей работы, не найдет их в этих статьях. Написаны они слишком общо, без установки непосредственно на ячейку, что является назначением подобных справочников.

Как видим, содержание книги не вполне соответствует ее названию. Слишком смело будет рекомендовать ее «в качестве настольной книжки каждого работника по труду и образованию

рабочей молодежи» (предисловие Экономкомиссии ЦК ВЛКСМ). Ценность ее заключается в том, что она знакомит экономработников с историей отдельных отраслей экономработы, а «настоящая книга» подразумевает, в первую очередь, пособие в повседневной, практической работе.

Поэтому мы не можем рекомендовать «Спутник комсомольского экономработника» *каждому* работнику по труду и образованию рабочей молодежи». Зато «Молодой Гвардии» следует рекомендовать издавать только такие «спутники», которые давали бы *ясные и конкретные* ответы низовому работнику на вопрос, что он должен делать в тех или иных отраслях комсомольской работы.

В. Бунин

Философия банкротов

«Die Weltanschauung des Sozialismus» von Karl Korn, Arbeiterjugend-Verlag, Berlin 1927. Карл Корн. «Мировоззрение социализма». «Из-во Рабочей Молодежи», Берлин. 1927 г.

Тема брошюры, которую мы хотим осветить в этой рецензии, является несколько необычной для нашего журнала. Но ознакомить читателей с важными моментами ее содержания будет очень интересно, так как этот «философский труд» является докладом, прочитанным пятидесятилетним «юношей» Карлом Корном на совещании актива Социалистического Союза Рабочей Молодежи Германии в октябре п. г. Поводом к выступлению явился поворот, замечавшийся в деятельности СРМ Германии за последний период. СРМ Германии начинает отказываться в своей работе от методов, которые он перенял от буржуазного юношеского движения: он отказывается от выдвижения на первый план «общности» (коллективизм без классового содержания), находящей свое выражение в буржуазном юношеском движении Германии в противопоставлении молодежи и взрослых («молодежь революционна сама по себе»). СРМ вновь возвращается к принципу опеки над молодежью (этим выражением в Германии характеризуют организационное руководство юношескими организациями со стороны взрослых), т. е. к формам, господствовавшим в работе СРМГ до войны.

Этот переход требует, однако, разрыва с прежней фразеологией СРМ, когда больше занимались «великими» пе-

реживаниями» и «приятными воспоминаниями», нежели повседневными вопросами, интересующими рабочую молодежь.

Наиболее подходящей фигурой для проведения этого поворота является «историк» германского социалистического юношеского движения и редактор центрального органа СРМ «Рабочая Молодежь» (последнюю должность он оставил в конце 1926 года, после того, как перешагнул через 5-ую весну своей молодости)—Карл Корн.

Карл Корн в своем докладе пытается изложить, в чем заключается социалистическое содержание деятельности СРМ. При этом он, конечно, в первую очередь выступает против идеи коллектива (Gemeinschaftsdenken). В своей деятельности за последние годы СРМ выдвигал эту идею на первый план. Игры и танцы должны были заменить политическую жизнь организации. Заявляя теперь, что «фашистская банда» точно так же может являться коллективом, как и группа СРМ, Карл Корн выносит окончательный приговор напущемшему «Веймарскому духу» (так названы эти методы работы СРМ в связи с тем, что они впервые применялись на юношеском дне СРМ в Веймаре).

«Подчеркивание товарищества и солидарности»,—говорит Корн далее,—не является специфически социалистическим, другие юношеские организации также много говорят об этом. Таким образом, здесь нет различия между социалистической юношеской организацией и другими, (т. е. буржуазными) организациями молодежи.

Рамки коллектива становятся тесными. Чем шире понимают «социализм», тем больше людей можно называть социалистами. Здесь, по Корну, заключается опасность коллектива: он считает, что круг людей, втянутых в коллектив, мог бы стать чересчур узким и что в него вошли бы, главным образом, 14—16-летние подростки, ит-ресующиеся больше внешностью, «жизнью чувств», и работа среди которых «почти не отличается от работы религиозных и других буржуазных союзов молодежи». Иначе обстоит дело с молодыми социалистами (особой с.-д. организацией 18—20-летней молодежи). Среди молодых социалистов существуют всевозможнейшие направления: толстовцы, австро-марксисты, религиозные социалисты, атенсты и т. д. и т. п. Корн ставит им в пример социал-демократическую партию и Социалистический Рабочий Интернационал. Предоставим слово автору:

«В нашей партии, в социал-демократии, безусловно, представлены те же резкие противоречия, что и у молодых социалистов. Мы имеем в своих рядах философов-материалистов и философов-идеалистов, т.-е. товарищей, считающих, что дух является продуктом материи, и таких, которые считают материю функцией духа; далее, религиозных социалистов различных оттенков и строгих атенстов...»

«Это относится в еще большей степени к Социалистическому Интернационалу, в котором, например, англичане и слушать не хотят о научном марксистском обосновании социализма, в то время, как французы опираются на теории, против которых еще 80 лет тому назад боролся Маркс, как против несоборалистических, мелко-буржуазных теорий».

Корн делает отсюда правильный вывод, говоря:

«Для партии (социал-демократической—Ф. Р.) является частным делом не только религия, но и еще многое другое, чрезвычайно важное для духовной жизни отдельной личности, так что в тесном кругу, где можно смело решиться хоть раз на крепкое выражение, можно сказать: мировоззрение также является для партии частным делом».

Действительно крепкое словечко и очень правильное. Беспринципное собрание всевозможных буржуазных и мелкобуржуазных мировоззрений и про-

грамм, которое представляет собою современная социал-демократия, фактически занято по отношению к мировоззрению каждого отдельного члена своей организации ту позицию, которую социал-демократия еще тогда, когда она была партией классовой борьбы, требовала от государства по отношению к отдельным личностям, ибо, как известно, требование «средины является для партии частным делом» передано из старого требования, «религия является частным делом для государства».

В последней части своей брошюры добрый старый Корн заговорил, наконец, и о пролетариате. Он чувствует, что не дал классового определения социалистического мировоззрения. Это, однако, очень трудно, «так как содержание социализма *непротетарского* происхождения»:

«Его творцы, если упомянуть только Маркса, Энгельса и Лассалля, происходили из рядов буржуазии, будучи вооружены всей духовной культурой своего века, не являющейся, безусловно, пролетарской культурой».

И здесь Корн плетется за глупейшим утверждением буржуазных ученых, которые хотят опровергнуть теорию прибавочной стоимости, тем фактом, что Энгельс сам был фабрикантом. Нашему читателю не нужно разъяснять, что взаимоотношения пролетариата и социализма определяются не родителями Маркса и Лассалля, а более глубокими причинами: положением пролетариата, как класса в капиталистической системе.

На основании этих цитат, не излагая даже содержания всей брошюры, можно констатировать: Корн, официальный теоретик СРМ Германии, не является марксистом (в этом для нас, правда, нет ничего нового). Он не стоит на классовой точке зрения (это мы также знаем). Его теории витают в безвоздушном пространстве (и это для нас понятно).

Интересно, однако, другое. Брошюра является по сути дела, ни чем иным, как *декларацией банкротства* форм работы социал-демократии среди молодежи, форм, применявшихся в период 1920—26 гг.: эта декларация означает возврат к довоенным методам.

Причины этого: следует искать в упадке Союза Социалистической Молодежи Германии и явлениях разложения внутри этой организации, о которых уже достаточно писалось в другом месте.

Ф. Глаубауф

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: И. Жолдак, Кансберг, Т. Костров, Д. Матвеев, А. Мильчаков, Д. Ханин и Н. Чаплин.

Ответственный редактор—Д. Ханин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Москва, Новая пл. 6.

Библиотека деревенского вожатого

под редакцией ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ

Летняя работа пионер-отряда в деревне. Материалы
ЦБ Юных Пионеров.

88 стр. Ц. 40 к.

Макаров, Н. и Лейман, В. — Сельско-хозяйственная работа
юных пионеров в деревне. С иллюстр.

96 стр. Ц. 55 к.

Начатки агропропаганды. — Составлено в Естественном
Отделе Института методов школьной работы. Под редак-
цией Б. В. Игнатьева.

69 стр. Ц. 40 к.

Прибылов, И. — Физкультура пионеров в деревне.

64 стр. Ц. 25 к.

Ценципер, М. — Общественно-практическая работа дере-
венского отряда.

93 стр. Ц. 40 к.

Халецкий, А. — День Урожая.

32 стр. Ц. 16 к.

С Е Р И Я

„Пионеры и сельское хозяйство“

Антошин, С. — Как пионеру разводить овощи. (Овощи, их
возделывание и использование). С 13 рис.

56 стр. Ц. 35 к.

Валерьянова, Е. — Пионеры на работах по сельскому хо-
зяйству. Семена и посев. С 5 рисунками.

56 стр. Ц. 15 к.

Юницкий, И. — Артель детей-садоводов. С 21 рисунком.

48 стр. Ц. 30 к.

Смычка на деле. Рассказ А. Жданова, Л. Королевой и
Ф. Разореновой. С предисловием ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ
и Ем. Ярославского. С 4 рисунками.

56 стр. Ц. 50 к.

Новый значок-зажим для пионерского галстука. Рисунок
утвержден комиссией по увековечиванию памяти В. И. Ленина
при ЦИК СССР и Центральным Бюро Юных Пионеров при
ЦК ВЛКСМ.

ц. 45 к.

ЧИТАЙТЕ МАССОВЫЙ, БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

„СМЕНА“

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Журнал выходит под редакцией «Комсомольской Правды»

«СМЕНА» дает художественные рассказы и повести лучших русских и иностранных писателей на наиболее острые бытовые и интересные для молодежи темы.

В живых очерках, дискуссиях и анкетах «СМЕНА» ставит все наиболее жизненные, волнующие молодежь вопросы.

Быту—всему здоровому и больному, новому и интересному в нем—и нашей культуре «СМЕНА» уделяет центральное место.

«СМЕНА» освещает жизнь Европы и Америки как с социально-бытовой стороны, так и в новейших технич. достижениях.

«СМЕНА» следит за научными экспедициями и путешествиями и в живой увлекательной форме показывает на своих страницах наиболее интересные страны мира. Восток, его культура и его революционное движение привлекают особое внимание «СМЕНЫ».

«СМЕНА» выходит каждые две недели

В «СМЕНЕ» постоянно освещаются наше производство, наши изобретения, наше строительство, наши богатства и жизнь далеких окраин СССР.

Каждый номер журнала имеет художественную красочную обложку и более 50 иллюстраций.

подпис.

В МОСКВЕ:

В Гл. Конторе Из-ва, «Молодая Гвардия», Новая пл. 6, в почтовых отделениях и у всех писмоношцев.

ИИ:

и в централь-
ной конторе и во всех почтовых
конторах СССР.